

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

СТИХОТВОРЕНІЯ
А. С. ПУШКИНА,

НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ СОБРАНИЕ
ЕГО СОЧИНЕНІЙ.

БЕРЛИНЪ, 1861.

Р. ВАГНЕРЪ, ПОДЪ ЛИПАМИ №. 57.

Печатано въ типографіи Е. Шульце въ Берлинъ,
Kommandanten - Strasse No. 72.

lib.pushkinskijdom.ru

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не смотря на сравнительную полноту и другія неотъемлемыя достоинства послѣднихъ двухъ изданій (1853 и 1859 г.) „Сочиненій Пушкина“, ни одно изъ нихъ не можетъ быть названо полнымъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Благодаря тупоумію русской ценсуры, около сотни большихъ и малыхъ стихотвореній величайшаго изъ русскихъ поэтовъ исключено изъ обоихъ изданій, а другая сотня искажена или урѣзана, въ слѣдствіе чего рѣдкая страница обоихъ изданій не пестритъ рядами точекъ.

Цѣль предлагаемаго изданія — дать русской читающей публикѣ возможно - пол-

VI

ное собраніе стихотвореній Пушкина, запрещенныхъ русскою цензурою, и потому не вошедшихъ въ последнее изданіе его сочиненій, напечатанное въ 1859 году, въ Петербургъ, подъ руководствомъ г. Геннади. Повторяемъ: возможно-полное, потому что, при всемъ нашемъ желаніи, мы не могли собрать всего, написаннаго Пушкинымъ. Многое затеряно, многое до-сихъ-поръ находится подъ спудомъ, благодаря безопасности и раснущенности лицъ, властвующихъ автографами покойнаго поэта, наконецъ — многіе эпиграммы и экспромпты, сказанные Пушкинымъ въ веселую минуту и ни къмъ незаписанные, переходя изъ устъ въ уста, пострадали до такой степени, что ихъ трудно признать за пушкинскіе, несмотря на авторитетъ общественнаго мнѣнія. Только соединенныя усилія всехъ русскихъ библіографовъ могутъ современемъ пополнить этотъ пробѣлъ; только этимъ путемъ можетъ быть собрано все, написанное Пушкинымъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя лица, влаждующія важными матеріа-

лами для пополненія этихъ пробѣловъ, завистливо хранятъ ихъ въ своемъ портфель, и, не дѣлая изъ нихъ сами ни какого полезнаго употребленія, упорно отказываются поѣлиться ими съ кѣмъ бы то ни было, что лишаетъ русскую библіографію многихъ необходимыхъ свѣдѣній, а сочиненія о Пушкинѣ — полноты и, часто, вѣрности. Подобный образъ дѣйствій — рѣшительно неизвинителенъ, и напоминаетъ известную басню Эзопа: „Собака на снѣгъ“ (ни себя, ни другимъ).

Изъ числа стихотвореній, не вошедшихъ въ последнее собраніе „Сочиненій Пушкина“, читатель найдетъ въ предлагаемомъ изданіи тридцать двѣ большихъ и сорокъ шесть малыхъ піесъ, и отрывки изъ „Гаврилады“ и восьми другихъ большихъ стихотвореній; а изъ прозаическихъ статей — отрывки изъ „Записокъ Пушкина“, „Исторіи пугачевского бунта“, „Путешествія въ Арзрумъ“ и другихъ. Кроме того, въ „Библіографической статьѣ“ помѣщено около ста стиховъ, изъ разныхъ піесъ, запрещенныхъ ценсу-

УШ

рою и потому замѣненныхъ въ последнемъ изданіи точками, значительное число вариантовъ и нѣсколько важныхъ примѣчаній. Вотъ все, что намъ удалось собрать изъ числа ненапечатанныхъ сочиненій Пушкина, дѣйствительно ему принадлежащихъ. Чтоже касается стихотвореній, приписываемыхъ Пушкину, но вовсе ему не принадлежащихъ, что доказано въ последнее время критикою, то я считаю не лишнимъ исчислить ихъ здѣсь, съ подробнымъ означеніемъ: кто и гдѣ именно печатно призналъ ихъ за пушкинскія, тогда какъ впоследствии обнаружилось, что они были написаны совершенно другими лицами, и тѣмъ избавить нашихъ читателей отъ несправедливаго предположенія, что нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, напечатанныя съ его именемъ, пропущены въ нашемъ изданіи. Вотъ этотъ списокъ:

1) Бѣлинскимъ было признано за произведеніе А. С. Пушкина — стихотвореніе дальняго его родственника Алексѣя Михайловича Пушкина: „На смерть

Кутузова“, напечатанное въ „Вѣстникъ Европы“ на 1813 годъ, съ подписью: А. Пушкинъ. (См. „Отечественныя Записки“, 1843, т. 31, отд. V, стр. 30.)

2) **Гоголемъ**: „Четыре націи“, стих. Полежаева. (См. „Соч. и Письма Гоголя“, т. VI, стр. 383.)

3) **Г. Анненковымъ**: „Застольная пѣснь“, стих. барона Дельвига и „Первыя мысли стихотворенія, обращеннаго къ императору Александру I.“, соч. Жуковскаго. (См. „Соч. Пушкина“, изд. г. Анненкова, т. II, стр. 219 и т. VII, стр. 36.)

4) **Г. Эдельсономъ**: „Моя любовь“, стих. В. Туманскаго. (См. „Современникъ“, 1856, No. I, стр. 1.)

5) **Г. Греномъ**: „Лилія“, стих. князя Вяземскаго. (См. „Общезанимательный Вѣстникъ“, 1857, No. I.)

6) **А. И. Герценымъ**: „Цапли“, стих. Баратынскаго, „Блаженъ кто могъ на ложь noci“, стих. Языкова „Исповѣдь бѣднаго стихотворца“, стих. неизвѣстна-

го, „Духовнику Анны Львовны“, стих. Соболевскаго. (См. „Полярную Звезду“ на 1858 г., стр. 271, и на 1859 г. стр. 16 и 31.)

7) Г. Головинымъ: „Молитва“, стих. неизвѣстнаго и „Цапли“, стих. Баратынскаго. (См. „Новыя стихотворенія Пушкина и Шевченки“, 1859, стр. 1 и 3.)

8) Г. Геннади: „Происхожденіе лафита“, стих. г. Вердеревскаго. (См. „Библиогр. Записки“, 1861, No. 4, столб. 100.)

Кромѣ того г-мъ Анненковымъ положительно доказано, что стихотворенія: „Цѣль нашей жизни“, „Гараль и Гальвина“, „Не помнишь ли ты, ваше благородье...“ и „Пѣснь черкеса“ (Свдлайся вновь конь вѣрный мой!..) — также не принадлежать Пушкину, какъ равно и стихотвореніе „Первая ночь“, облетѣвшее всю Россію съ именемъ Пушкина, тогда-какъ оно написано покойнымъ Полежаевымъ, что извѣстно всѣмъ, знавшимъ несчастнаго

поэта. Намъ также положительно извѣстно, что нижепоименованныя эпиграммы написаны не Пушкинымъ, хотя общественное мнѣніе упорно приписываетъ ихъ ему. Помѣщаемъ здѣсь начальныя строки этихъ эпиграммъ:

1. Ѳедоръ Глинка молодець...
2. Показалася у насъ новая-новинка...
3. Для чего тебѣ, о Вигель...
4. Люблю тебя, моя комета...
5. Рѣшившись хамомъ стать...
(Карамзину.)
6. Отродіе купечества... (Н. Полевому.)
7. У Ѳедорова Борьки...
8. „Рука Всевышняго“ три чуда совершила... (Кукольникову.)

Первая изъ этихъ эпиграммъ сочинена цѣлою компаніею: Дельвигомъ, Баратынскимъ и другими; вторая и третья — принадлежатъ г. Соболевскому, шестая — Бах-

турину, седьмая — Дельвигу; сочинители остальных — мне неизвестны.

Въ заключеніе помещаемъ списокъ стихотвореній быть можетъ и принадлежащихъ Пушкину, какъ утверждаютъ нѣкоторые библиографы, но сильно пострадавшихъ отъ небрежности переписчиковъ, такъ-что ихъ трудно признать за пушкинскія, безъ ясныхъ на то доказательствъ. Вотъ они:

1. Друзьямъ, на выступленіе гвардіи.
2. Къ Аракчееву. (Всей Россіи притвsnитель...)
3. Подражаніе Дидероту. (Мы добрыхъ гражданъ позабавимъ...)
4. Я палъ предъ алтаремъ прекрасной...
5. Надинькѣ. (Съ тобой пріятно удвлить...)
6. Ужель нашъ архирей не святъ?..
7. Какъ счастливы библисты...
8. Ты просишь написать надгробную, Агафья...
9. Твои мечтанья не сбылись...

10. Орловъ съ Истоминой въ постели...
11. Се самый Дельвигъ тотъ, что намъ всегда твердилъ...
12. А. Н. Муравьеву. (На диво намъ и всей Европы...)
13. Мы ѣдемъ въ шлюпкѣ...
14. Ахъ, какія чудеса...
15. Воейкову. (Орликомъ и въ колапакъ...)
16. Въ Россіи царствуетъ военный артикулъ...

Издавая свое собраніе, мы, конечно, далеки отъ мысли, чтобы считать его непогрѣшительнымъ, вполне-удовлетворяющимъ современнымъ требованіямъ библіографіи. Конечно, найдутся промахи, невѣрности, пропуски. Напримѣръ, при всемъ нашемъ стараніи, мы нигдѣ не могли найти опущенныхъ стиховъ въ піесахъ: „Недавно я въ часы свободы...“, „Элегическій отрывокъ“, „Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я,

не смѣю, не могу...“ и „Старшца-про-
рочица“ (т. I, стр. 236, 409, 487 и 559),
двухъ мвствъ изъ „Анджело“, куплета
изъ пѣсни: „Бонапартъ и Черногорцы“
(т. II, стр. 330, 339 и 474) и нѣкоторыхъ
строфъ*) изъ „Евгенія Онѣгина“. Поэто-
му мы просимъ нашихъ извѣстныхъ би-
бліографовъ и вообще всѣхъ, занимающихся
библіографіей въ Россіи, дополнить нашъ
посильный трудъ примѣчаніями и указанія-
ми всѣхъ тѣхъ невѣрностей и упущеній,
какія, само собою разумѣется, найдутся въ
предлагаемомъ изданіи. Если же, чего доб-
раго, русская ценсура воспротивится по-
мѣщенію этихъ замѣтокъ въ одномъ изъ
русскихъ журналовъ, то просимъ не забы-
вать, что въ настоящее время заграницей

*) Глава I, строфы 9, 13, 39, 40 и 41;
глава III, послѣдніе шесть стиховъ 3-й строфы;
глава IV, строфы 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 38; глава V,
первые четыре стиха 43-й строфы; глава VI,
строфы 15, 16 и 38; глава VIII, послѣдніе шесть
стиховъ 25-й строфы.

издается четыре журнала на русскомъ языкѣ, которые, конечно, не откажутся напечатать ихъ на своихъ страницахъ.

$\frac{30}{19}$ іюня 1861 года.

Берлинъ.

Русскій.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЦѢЛЬНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ, НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ
ПОСЛѢДНЕЕ СОБРАНІЕ „СОЧИНЕНІЙ
ПУШКИНА“.

ДРУЗЬЯМЪ *).

Среди бесѣды вашей шумной
Одинъ уныль и мраченъ я . . .
На пиръ раздольный и безумный
Не призывайте вы меня.
Любилъ и я когда то съ вами
Подъ звонъ бокаловъ пировать
И гармонически стихами
Пировъ веселье воспѣвать.
Но пролетѣлъ мигъ упоеній, —
Я радость свѣтлую забылъ,
Меня печали мрачныйъ геній
Крылами черными покрылъ . . .
Не кличьте жъ вы меня съ собою
Подъ звонъ бокаловъ пировать:
Я не хочу своей тоскою
Веселье ваше отравлять.
Богами вамъ еще даны

*) Первая редакція стихотворенія того же имени, напечатаннаго въ „Соч. Пушкина“, изд. 1859 г. т. I, стр. 140.

Златые дни, златыя ночи,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойте же, друзья!
Утратьте вечеръ скоротечный:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

1816.

КЪ ОЛЕНИНОЙ,

которой митрополить прислалъ плодовъ
изъ своего сада.

Митрополить, хвастунъ безстыдной,
Тебъ прислалъ своихъ плодовъ;
Хотѣлъ увѣрить насъ, какъ видно,
Что будто самъ онъ богъ садовъ.
Чему дивиться тутъ? Харита
Улыбкой дряхлость побѣдитъ,
Съ ума сведеть митрополита,
Желанья плоти въ немъ родить, —
И онъ, твой встрѣтя взоръ волшебный,
Забудеть о своемъ крестѣ,
И нѣжно станетъ пѣть молебны
Твоей небесной красотѣ.

1817.

Отъ всенощной, вечеръ, идя домой,
Антипьевна съ Марѳушкою бранилась;
Антипьевна отъзвнно горячилась.
„Постой“, кричить, „управлюсь я съ тобой!
„Ты думаешь, что я забыла
„Ту ночь, когда, забравшись въ уголокъ,
„Ты съ крестникомъ Ванюшею шалила?
„Постой, о всемъ узнаетъ муженекъ!“
— Тебъ ль грозить! Марѳушка отвѣчаетъ:
— Ванюша что? Вѣдь онъ еще дитя;
А свать Трофимъ, который у тебя
И день и ночь? Весь городъ это знаетъ.
Молчи жь кума: и ты, какъ я, грѣшна;
Словами жь всякаго, пожалуй, разобидишь.
Въ чужой..... соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна. —
1817.

МОЛИТВА ДЕЙБЪ-ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Избави Господи ума такого
Какъ у Александра Васильевича Попова!
Слатвинскаго скромности,
Зубова томности,
Ильина чистоты,
Тютчева красоты,
Любомірскаго чванства,
Каверина пьянства,
Гротовой скупости,
Хов — на глупости,
Суетливости Оффенберга,
Разсудительности Унгернъ-Штернберга,
Чаадаева гордости,
Юш — ва подлости,
Креншина службы,
Сабурова дружбы.
Завадовскаго щедрости,
Герингр — вой мерзости,
Кнабенау усовъ,
Пашковскихъ носовъ,

Салтыкова дикости,
Саломірскаго лихости,
Слѣпцова смиренья,
Кругликова пѣнья,
Барятинскаго спросовъ,
Рахманова вопросовъ,
Молодцова хвалы
И Микешина килы.

1817.

КЪ П. Я. ЧААДАЕВУ.

Любви, надежды, гордой славы
Не долго тѣшилъ насъ обманъ.
Исчезли юныя забавы,
Какъ сонъ, какъ утренній туманъ!
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнѣтомъ власти роковой,
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья.
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасныя порывы!
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,

Заря пльвнительнаго счастья, —
Россія вспрянетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наша вмена!

1818.

СКАЗКИ.

(Noël.)

Ура! въ Россію скачетъ
Кочующій деспотъ.
Спаситель горько плачетъ,
А съ нимъ и весь народъ.

Марія въ хлопотахъ Спасителя страшаетъ:

„Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
„Вотъ бука, бука — русскій царь!“ —
Царь входитъ и въщаетъ:

„Узнай народъ російскій,
Что знаетъ цѣлый міръ:
И прусскій и австрійскій
Я спилъ себѣ мундиръ.

О, радуйся, народъ: я сытъ, здоровъ и тученъ;
Меня газетчикъ прославлялъ;
Я ѣлъ, и пилъ, и обѣщаль —
И дѣломъ не измученъ.

„Узнай еще въ прибавку,
Что сдѣлаю потомъ:
Лаврову *) дамъ отставку,
А Соца **) — въ желтый домъ;
Законъ постановлю на мѣсто вамъ Горголи ***)
И людямъ всю права людей
По царской милости моей
Отдамъ изъ доброй воли“.

Отъ радости въ постель
Запрыгало дптя:
„Неужто въ самомъ дѣлѣ?
Неужто не шутя?“
А мать ему: „бай, бай! закрой свои ты глазки;
„Пора уснуть бы, наконецъ,
„Послушавши, какъ царь-отецъ
„Разсказываетъ сказки!“

*) Цензоръ.

**) Цензоръ.

***) Горголя, Иванъ Савичъ, бывший тогда санктпетербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ; нынѣ дѣств. т. с. и сенаторъ.

1819.

ВОЛЬНОСТЬ.

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица!
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза царей,
Свободы гордая пѣвица?
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру:
Хочу воспѣть я вольность міру,
На тронѣ поразить порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго Галла*),
Кому сама средь славныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлые внушала.
Любимцы вѣтренной судьбы,
Тираны міра, трепещите!
А вы — мужайтесь и внемлите:
Возстаньте, падшіе рабы!

*) Андрей Шенье.

Увы, куда ни брошу взоръ,
Вездь бичи, вездь желвзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы.
Вездь неправедная власть
Въ сгущенной мгль предразсуждений,
Повсюду рабства грозный геній
И къ славъ роковая страсть.

Лишь тамъ, надъ царскою главою,
Неслышимо людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
Гдѣ, сжатый вѣрными руками
Гражданъ, надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользнуть,

И преступленье съ высока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ;
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни алчной скупостью, ни страхомъ.
Владыки! вамъ взнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не порода;
Стоите выше вы народа,
Но вѣчный выше васъ законъ.

И горе, горе племенамъ,
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно,
Гдѣ иль народу, иль царямъ
Закономъ властвовать возможно!
Тебя въ свидѣтели зову,
О! мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумъ бурь недавнихъ,
Сложившій царскую главу.

Восходить къ смерти Людовикъ
Въ виду безмолвнаго потомства,
Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
Молчитъ законъ, народъ молчитъ,
Падетъ преступная секира
И самовластная порфира
На Галлахъ скованныхъ лежить.

Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей,
Я съ злобной радостью увижу.
Читаютъ на твоємъ чель
Печать проклятiя народы;
Ты ужасъ неба, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на земль.

Когда на мрачную Неву
Звезда полночи сияетъ
И беззаботную главу
Спокойный сонъ отягощаетъ,
Глядитъ задумчиво певецъ
На грозный, спящій средь тумана,
Пустынный памятникъ тирана,
Забвенью брошенный дворецъ *).

Онъ слышитъ Клип мрачный гласъ
Надъ сими страшными стѣнами,
Калигулы послѣдній часъ
Онъ видитъ живо предъ очами . . .
Онъ видитъ: въ лентахъ и звездахъ,
Виномъ и злобой упоенны,
Идутъ убійцы потаенны:
На лицахъ дерзость, въ сердцахъ страхъ.

Молчитъ невѣрный часовой,
Опущенъ тихо мостъ подъёмный,
Врата отверсты въ тѣмъ ночной
Рукой предательства наёмной.
О, стыдъ, о ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри вторглись янычары,
Падутъ безславные удары,
Погибъ увѣнчанный злодѣй.

*) Дворецъ Павла, нынѣ — Михайловскій замокъ.

Внемлите истинъ цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари
Не вѣрныя для васъ ограды!
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона —
И стануть стражею у трона
Народовъ вольность и покой.
1820.

КИНЖАЛЪ.

Лемносскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!

Гдѣ Зевса громъ молчать, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься подъ снѣгу трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.

Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвѣе злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.

Вездѣ найдетъ его ударъ надежный твой:
На сушѣ, на водахъ, во хѣ амъ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной...

Шумить подъ Кесаремъ заветный Рубиконъ,
Держарный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Кинжалъ, ты кровь излилъ — и мертвъ обѣмлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.

Издаде мятежей подъемлетъ злобный крикъ,
Презрѣнный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ вольности безглавой,
Палачъ*) уродливый возникъ:

Апостоль гибели — усталому Аиду
Перстомъ онъ жертвы назначалъ,
Но высшій судъ ему послалъ
Тебя и дву-Эвмениду**).

Свободы мученикъ, избранникъ молодой,
О, Зандъ***)! твой вѣкъ угасъ на плахъ:
Но добродѣтели святой
Остался блескъ въ казненномъ прахъ:

*) Маратъ.

***) Шарлота Кордэ.

***) Студентъ Карлъ Зандъ, заколовшій въ Мангеймѣ 23 марта 1819г. известнаго писателя Кодебу, бывшего тайнымъ агентомъ русскаго правительства въ Германіи, за что былъ казненъ 21 мая 1820 года.

Въ твоей Германіи ты грозной тьнью сталъ,
И на торжественной могилъ,
Грозя бѣдой преступной силъ,
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

1821.

Сказали разъ царю, что наконецъ
Мятежный вождь Різго былъ давленъ.
„Я очень радъ“, сказалъ усердный льстецъ:
„Отъ одного мерзавца міръ избавленъ“.
Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ;
Всѣхъ удивилъ нежданный приговоръ.
Різго былъ, конечно, очень грѣшенъ,
Согласенъ я — по онъ за то повѣшенъ.
Пристойно ли, скажите, сторяча
Ругаться эдакъ намъ надъ жертвой палача?
Самъ государь такого добротства
Не захотѣлъ своей улыбкой одобрить.
Льстецы, льстецы, старайтесь сохранить
И въ самой подлости отъенокъ благородства!
1821.

ОТРЫВОКЪ.

I.

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогъ;
Владыка Съвера одинъ въ своемъ чертогъ
Безмолвно бодрствовалъ и жребіи земли
Въ увнчанной главъ стѣсненные лежали,
Чредою выпадали
И міру тихую неволю въ даръ несли.

II.

И дѣлу своему Владыка самъ дивился.
„Се благо!“ думалъ онъ, — и взоръ его носился
Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
Отъ царско-сельскихъ липъ до башенъ Гибралтара:
Все молча ждетъ удара —
Все пало: подъ яремъ склонились всѣ главы.

III.

„Свершилось“, молвилъ онъ. „Давно ль народы міра
Паденье славили Великаго Кумира.

.

.
.
. *)

IV.

„Давно ли ветхая Европа свирьпѣла?
Надеждой новою Германія кипѣла,
Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ?
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Ужь правила свобода,
И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?

V.

„Давно ль? — и гдѣ же вы, зиждители свободы?
Ну чтожь? Витійствуйте, ищите правъ природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу!
Вотъ Кесарь — гдѣ же Брутъ? О, грозные витіи,
Цалуйте жезлъ Россіи
И васъ поправшую желѣзную стопу!“

VI.

Онъ рекъ — и нѣкій духъ повѣялъ невидімо,
Повѣялъ и затихъ — и вновь повѣялъ мимо.
Владыку Сѣвера мгновенный кладъ объялъ;

*) Долженствовавшіе тутъ быть четыре стиха не были написаны Пушкинымъ.

На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи;
Раздался бой полночи —
И се внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.

VII.

То былъ сей чудный мужъ, посланникъ Провидьня,
Свершитель роковой безвѣстнаго вельвья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари.

VIII.

Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія стѣпны,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго по манію царей.

IX.

Нѣтъ! чудный взоръ его, живой, неувловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкаль:
Во цвѣтъ здравія, и мужества, и мощи,
Владыкъ Полунощи
Владыка Запада грозящій предстояль.

Х.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Аустерлица
Дружины Сэвера гнала его десница,
И Русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ, иль позоромъ
Предъ юношей царемъ въ Тильзитъ предстоялъ. . . .
1821.

ЕВРЕЙКЪ.

Христось воскресь! моя Ревекка.
Сегодня, слѣдуя душой
Закону Бога-человѣка,
Съ тобой цалуюсь, ангель мой,
А завтра къ вѣрв Моисея
Я снова долженъ приступить
И то въ залогъ тебѣ вручить,
Чѣмъ можно каждаго Еврея
Отъ православныхъ отличить.

12 апрѣля 1821.

Кишеневъ.

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВѢДЬ.

Добра чужаго не желать
Ты, Боже, мнѣ повелѣваешь;
Но мѣру силъ моихъ Ты знаешь —
Мнѣ ль нѣжнымъ чувствомъ управлять?
Обидѣть друга не желаю,
И не хочу его села,
Не нужно мнѣ его вола:
На все спокойно я взираю.
Ни домъ его, ни скоть, ни рабъ —
Не лестна вся мнѣ благостыня...
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи! — я слабъ!...
И ежели его подруга
Мила, какъ ангелъ во плоті —
О, Боже праведный, прости
Мнѣ зависть ко блаженству друга!
Кто сердцемъ могъ повелѣвать?
Кто рабъ усилій безполезныхъ?
Какъ можно не любить прелестныхъ?
Какъ райскихъ благъ не пожелать?

Смотрю, томлюся и вздыхаю;
Но строгій долгъ умвю чтить.
Страшусь желаньямъ сердца льстить,
Молчу... и въ тайнѣ я страдаю!
1821.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что былъ Французъ,
Клеонъ, умомъ ее страшая,
Дамись — за то, что нѣжно пѣлъ:
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

1822.

ЦАРЬ НИКИТА.

Простонародная сказка.

Царь Никита жилъ когда-то
Праздно, весело, богато,
Не творилъ добра, ни зла:
Такъ земля его цвѣла.
Царь трудился понемногу,
Кушалъ, пилъ, молился Богу,
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ сорокъ дочерей —
Сорокъ дѣвушекъ прелестныхъ,
Сорокъ ангеловъ небесныхъ,
Чудо сердцемъ и душой...
Что за ножка — Боже мой!
А головка, темный волосъ,
Чудо-глазки, чудо-голосъ!
Умъ съ ума свести бы могъ, —
Словомъ, съ головы до ногъ
Душу-сердце все пѣняло;
Одного не доставало...
Да чего же одного?

Такъ — бездѣлки... ничего...
Ничего, иль очень мало...
Все равно — не доставало...
Какъ бы это пояснить,
Чтобъ совсѣмъ не раздражить
Богомольной, важной дуры
Нашей чепорной ценсуры?
Какъ быть?... Помоги мнѣ Богъ!
У царевенъ между ногъ...
Нѣтъ, ужъ это слишкомъ ясно
И для скромности опасно, —
Такъ иначе какъ нибудь:
Я люблю въ Венерѣ грудь,
Губки, ножку особливо;
Но сердечное огниво,
Цѣль желанья моего —
Что такое?... Ничего!...
Ничего, иль очень мало...
И того-то небывало
У царевенъ молодыхъ.
Ихъ чудесное рожденье
Привело въ недоумѣнье
Всѣ придворныя сердца.
Грустно было для отца
И для матерей печальныхъ...
А отъ бабокъ повивальныхъ
Какъ узналъ о томъ народъ —

Всякій тутъ разинулъ ротъ,
Ахалъ, охалъ, дивовался,
А иной хоть и смѣялся,
Да тихонько, чтобы въ путь
До Нерчинска не махнуть.
Царь созвалъ своихъ придворныхъ,
Нянекъ, мамушекъ покорныхъ —
Имъ держалъ такой приказъ:
„Если кто нибудь изъ васъ
Дочерей грѣху научить,
Или мыслить ихъ приучить,
Или только намекнетъ,
Что у нихъ недостаетъ,
Иль двусмысленное скажетъ,
Или кукишь имъ покажетъ, —
То — шутить я не привыкъ —
Бабамъ вырѣжу языкъ,
А мужчинамъ нѣчто хуже,
Что порой бываетъ туже.“
Царь былъ строгъ, но справедливъ,
А приказъ краснорѣчивъ.
Всякъ со страхомъ поклонился,
Остеречся всякъ рѣшился,
Ухо всякъ держалъ востро
И хранилъ свое добро.
Жены бѣдныя боялись,
Чтобъ мужья не проболтались;

Въ тайнѣ думали мужа:

„Провинись жена моя!“

.

.

1823.

ИЗЪ „ГАВРИЛАДЫ“.

I.

Воистину Еврейки молодой
Мнѣ дорого душевное спасенье:
Приди ко мнѣ, прелестный ангелъ мой,
И мирное прими благословенье!
Спасти хочу земную красоту!
Любезныхъ устъ улыбкою довольный
Царю небесъ и Господу — Христу
Пою стихи на лиръ богомольной.
Смиранныхъ струнъ, быть можетъ, наконецъ
Ее пѣнать церковные напѣвы —
И Духъ святой сойдетъ на сердце дѣвы:
Властитель онъ и мыслей и сердець

II.

Въ глуши полей, вдали Иерусалима,
Вдали забавъ и юныхъ волокитъ,
Которыхъ бѣсъ для гибели хранить,
Красавица, никвмъ еще не зрима,

Безъ прихотей вела спокойный вѣкъ.
Ея супругъ, почтенный человекъ,
Съдой старикъ, плохой столяръ и плотникъ,
Въ селенѣ былъ единственный работникъ.
И день и ночь имѣя много дѣлъ
То съ уровнемъ, то съ вѣрною пилою,
То съ топоромъ, не много онъ смотрѣлъ
На прелести, которыми владѣлъ
И тайный цвѣтъ, которому судьбою
Назначена была другая честь,
На стебелькѣ не смѣлъ еще расцвѣсть.
Лѣнивый мужъ своею старой лейкой
Въ часъ утренній не орошалъ его:
Онъ какъ отецъ съ невинной жилъ Еврейкой,
Ее кормилъ и больше ничего.

.

III.

Поговоримъ о странностяхъ любви:
Не смыслю я другаго разговора.
Въ тѣ дни, когда отъ огненнаго взора
Мы чувствуемъ волненіе въ крови,
Когда тоска обманчивыхъ желаній
Объемлетъ насъ и душу тяготить,
И, всюду насъ преслѣдуя, томить
Предметъ одинъ и думы и страданій:
Неправда ли? — въ толпѣ молодыхъ друзей
Неправстника мы ищемъ и находимъ;

Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ страстей
Наръчіемъ восторговъ переводимъ.
Когда же мы поймали на лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ, на ложе наслажденій,
Стыдливую склонили красоту;
Когда любви забыли мы страданье
И нѣчего намъ болѣе желать,
Чтобъ оживить о ней воспоминанье,
Съ наперсникомъ мы любимъ поболтать.

.

IV.

Что жъ дѣлаетъ Еврейка? гдѣ она,
Іосифа печальная подруга?
Въ своемъ саду, печальныхъ думъ полна,
Проводитъ часъ невиннаго досуга
И снова ждетъ плѣнительнаго сна.
Съ ея души не сходитъ образъ милый:
Къ архангелу летитъ душой унылой.
Въ прохладѣ пальмъ красавица моя
Задумалась надъ разговоръ ручья.
Не мило ей цвѣтовъ благоуханье,
Не весело прозрачныхъ водъ журчанье
И видитъ вдругъ: прекрасная змья,
Приманчивой блистая чешуею,
Въ тѣни ветвей качается надъ нею —
И говоритъ: „Любимица небесъ,

„Не убѣгай! Я плѣнникъ твой послушный.“
Возможно ли? О, чудо изъ чудесъ!
Кто жь говорилъ съ Еврейкой простодушной?
Кто это былъ? Увы! конечно, бѣсъ.
Краса змѣи, чешуй разнообразь,
Ея привѣтъ, огонь лукавыхъ глазъ
Понравились Еврейкъ тотъ же часъ.
Чтобъ усладить младого сердца праздность,
На Сатанъ покоя нѣжный взоръ,
Съ нимъ завела пылливый разговоръ:
„Кто ты, змѣя? По льстивому напѣву,
„По красотѣ, по блеску, по глазамъ,
„Я узнаю того, кто нашу Еву
„Привлечь успѣлъ къ таинственному древу
„И тамъ склонилъ несчастную къ грѣхамъ.
„Ты погубилъ неопытную дѣву,
„А съ нею весь адамовъ родъ и насъ
„Мы въ безднѣ бѣдъ безвинно потонули!
„Не стыдно ли?“ — Попы васъ обманули!
И Еву я не погубилъ, а спасъ.

.

V.

О, милый другъ! кому я посвятилъ
Мой первый сонъ, надежды и желанья,
Красавица, которой я былъ милъ,
Простишь ли мнѣ мои воспоминанья?
Мои грѣхи, забавы юныхъ дней?

Тъ вечера, когда въ семьѣ твоей,
При матери докучливой и строгой,
Тебя томилъ я тайною тревогой
И просвѣтилъ невинныя красы?
Я научилъ послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И услаждать безмолвные часы
Бессонницы — дѣвическую муку.
Но молодость утрачена твоя:
Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла,
Твоя краса во цвѣтъ помертвѣла
Простишь ли ты, о милая моя?

.

VI.

И бѣсъ сказалъ: „Счастливецъ горделивый!
„Кто звалъ тебя? Зачѣмъ оставилъ ты
„Небесный дворъ — ээира высоты?
„Зачѣмъ мѣшать утѣхъ молчаливой,
„Занятіямъ чувствительной четы?“
Но Гавріилъ, нахмуря взоръ ревнивый,
Рекъ на вопросъ и дерзкой и шутливой:
— Безумный врагъ небесной красоты,
Повѣса злой, изгнанникъ безнадежный!
Ты соблазнилъ красу Еврейки нѣжной —
И смѣешь мнѣ вопросы задавать?
Бѣги сейчасъ, безстыдникъ, рабъ мятежный,
Иль я тебя заставлю трепетать! —

„Не трепеталъ отъ вашихъ я придворныхъ ,
„Всевышняго прислужниковъ покорныхъ ,
„Радътелей небеснаго царя!“
Проклятый рекъ и, злобою горя,
Наморщивъ лобъ, скосясь, кусая губы,
Противника ударилъ прямо въ зубы.
Раздался крикъ; шатнулся Гавріилъ
И лѣвое колено преклонилъ;
Но вдругъ возсталъ, исполненъ новымъ жаромъ,
И Сатану нечаяннымъ ударомъ
Хватилъ въ високъ. Бѣсъ ахнулъ, поблѣднѣлъ ---
И бросились въ объятія другъ другу.
Ни Гавріилъ, ни бѣсъ не одолевъ.
Сплетенные, кружась, идутъ по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединивъ крестъ на крестъ ноги, руки,
То силою, то хитростью науки
Хотятъ увлечь другъ друга за собой.
Не правда ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни, весной,
Оставя классъ, мы бѣгали на волю
И тѣшились отвожною борьбой?
Усталые, забывъ и брань и рѣчи,
Такъ ангелы боролись межъ собой.
Подземный царь, буянъ широкоплечій,
Вотще кряхтѣлъ съ увертливымъ врагомъ,
И, наконецъ, желая кончить разомъ,

Съ архангела крылатый сбиль шеломя,
Златой шеломя, украшенный алмазомъ.
Схвативъ врага за мягкіе власы,
Онъ сзади гнетъ могучею рукою
Къ сырой землѣ. Еврейка предъ собою
Архангела зреть нѣжныя красы —
И за него въ безмолвіи трепещеть.
Ужъ ломить бѣсъ; ужъ Адъ въ восторгѣ плещеть . . .
Но къ счастью проворный Гавріиль
Впился ему въ то мѣсто роковое
(Излишнее почти во всякомъ боѣ),
Въ надменный членъ, которымъ тотъ грѣшилъ:
Проклятый палъ, пощады запросилъ —
И въ темный Адъ едва нашель дорогу.
На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица глядѣла, чуть дыша;
Когда же къ ней, свой подвигъ соверша,
Привѣтливо архангелъ обратился,
Огонь любви въ лицѣ ея разлился
И нѣжностью наполнилась душа.

.

VII.

Что дѣлать ей? Что скажетъ богъ ревнивый?
Не съгуйте красавицы мои!
О, женщины, наперстницы любви!
Умвете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха

И знатоковъ внимательные взоры,
И на слѣды пріятнаго грѣха
Невинности набрасывать уборы.
Отъ матери проказливая дочь
Береть урокъ стыдливости покорной
И мнимыхъ мукъ, — и съ робостью притворной
Играетъ роль въ рѣшительную ночь.
А по утру, оправясь понемногу,
Встаетъ блѣдна, чуть ходитъ — такъ томнѣ:
Въ восторгъ мужъ; мать шепчетъ: „слава Богу!“
А старый другъ стучится у окна.

.

VIII.

Аминь, аминь! Чѣмъ кончу я рассказы?
На вѣкъ забывъ старинныя проказы,
Я пѣлъ тебя, крылатый Гавріилъ:
Смиренныхъ струнъ тебѣ я посвятилъ
Усердное, спасительное пѣнье.
Храни меня! внемли мое моленье!
Досель я былъ еретикомъ любви,
Младыхъ богинь безумный обожатель,
Другъ демона, повѣса и предатель. . . .
Раскаянье мое благослови:
Приемлю я намѣренья благія, —
Перемѣнюсь: Елену видѣлъ я!
Она мила, какъ вѣжная Марія —
Подвластна ей на вѣкъ душа моя. . . .

Моимъ рвчамъ придай очарованье,
Понравится повѣдай тайну мнѣ,
Въ ея груди зажги любви желанье,
Не то пойду молиться Сатанѣ.
Но дни бѣгутъ — и время съдиною
Мою главу тишкомъ посеребрить,
И важный бракъ съ любезною женою
Предъ алтаремъ меня соединить. . . .
Даруй ты мнѣ блаженное терпѣнье,
Молю тебя — пошли мнѣ вновь и вновь
Спокойный сонъ, въ супругъ увѣренье,
Въ семействѣ миръ и къ ближнему любовь!

1823.

Напрасно ахнула Европа, —
Не унывайте! не бѣда! —
Отъ петербургскаго потопа
Спаслась „Полярная Звѣзда“.

Бестужевъ, твой ковчегъ на брегъ!
Парнаса блещутъ высоты —
И въ благодѣтельномъ ковчегъ
Спаслись и люди и скоты.

1824.

ЭЛЕГИЯ НА КОНЧИНУ ТЕТУШКИ.

Ахъ, тетушка! ахъ, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Ты къ матушкѣ была любовна,
Ты къ батюшкѣ была добра;
Тебя Матвѣй Михайлычъ кровный*)
Встрѣчалъ всегда среди двора;
Тебя Елизавета Львовна
Любила больше серебра.
Давно ли съ Ольгою Сергѣвной**),
Со Львомъ Сергѣичемъ***) давно ль,
На зло самой судьбинѣ гнѣвной,
Дѣлила ты и хлѣбъ и соль?
Но вотъ уже Василій Львовичъ
Стихами гробъ твой окропилъ. . . .
Зачѣмъ стихи его поповичъ,
Дуракъ Красовскій†) пропустилъ?

1824.

*) Каммергеръ Солнцева, мужъ сестры Василія Львовича Пушкина, Елизаветы Львовны, о которой упоминается въ слѣдующихъ строкахъ.

**) Сестра поэта.

***) Братъ поэта.

†) Цензоръ, разсматривавшій надгробную элегію В. Л. Пушкина.

Встарь Голицынъ *) мудрость въсиль,
Гурьевъ **) грабилъ весь народъ,
Аракчеевъ куралесиль,
Царь же вздиль на разводъ.

Нынѣ Ливенъ ***) мудрость въсиль,
Царь же въшаетъ народъ,
Рыжій Мишка †) куралесиль
И по прежнему разводъ.

1826.

*) Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ въ царствованіе Александра I.

**) Министръ финансовъ въ то же царствованіе.

***) Министръ народнаго просвѣщенія въ началѣ царствованія Николая I.

†) Великій князь Михаилъ Павловичъ.

КЪ СЕВЕРИНУ *).

Твой дѣдъ портной, твой дядя поваръ,
А вы? — вы знатный господинъ:
Таковъ объ васъ народный говоръ,
Высокородный Северинъ.
Потомокъ прѣдковъ благородныхъ,
Увы! никто въ моей роднѣ
Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ.

1826.

*) Первая редакція стихотворенія: „Жалоба“, напечатаннаго въ „Соч. Пушкина“, изд. 1859 г. т. I, стр. 272.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Н. С. АЛЕКСѢВУ.

Прощай, отшельникъ Бессарабскій,
Лукавій другъ души моей!
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей.
1826.

ВЪ СИБИРЬ.
(Декабристамъ.)

Во глубинъ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпенье!
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастью вѣрная сестра —
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Разбудитъ бодрость и веселье,
Прійдетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходить мой свободный гласъ.

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ — и свобода
Васъ приметъ радостно у входа
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

1827.

ДВѢ НАДПИСИ КЪ КАРТИНКАМЪ
ИЗЪ „ОНЪГИНА“, ПРИЛОЖЕННЫМЪ
КЪ „НЕВСКОМУ АЛЬМАНАХУ“.

I.

Авторъ „Онъгина“ и Онъгинъ на набереж-
ной Невы.

Вотъ перешедши мостъ Какушкинъ,
Опершись ж . . . о гранитъ,
Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Съ мосьё Онъгинымъ стоитъ.
Неудостойвая взглядомъ
Твердыню власти роковой,
Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ:
Не плюй въ колодезь, милый мой!

II.

Татьяна, запечатывающая письмо.

Сосокъ чернѣетъ сквозь рубашку,
Наружу титька — милый видъ!

Татьяна мнетъ въ рукъ бумажку,
Зане животъ у ней болитъ :
Она затѣмъ поутру встала
При блѣдныхъ мѣсяца лучахъ —
И на под изорвала
Конечно „Невскій Альманахъ“ .
1829.

СВЯТЕЛЬ.

„Изъде съятель съяти слово свое.“

Свободы съятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное съмя,
Но потерялъ я только время,
Благіе мысли и труды!
Паситесь добрые народы, —
Вась не разбудить чести кличъ.
Начто стадамъ дары свободы? —
Ихъ должно рвзать или стричъ.
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушкою, да бичъ.

Насильно Зубову мила,
Старушка дряхлая жила
Пріятно, понаслышкѣ — блудно,
Писала прозой, флоты жгла,
Съ Вольтеромъ лучшій другъ была
И умерла, садясь на судно.
И съ той поры въ Россіи мгла . . .
Россія — бѣдная держава:
Съ Екатериной умерла
Екатерининская слава!

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ЛУКУЛЛА.

Подражаніе Латинскому.

Ты угасаль, богачъ молодой!
Ты слышалъ плачь друзей печальныхъ.
Ужь смерть являлась за тобой
Въ дверяхъ снѣгъ твоихъ хрустальныхъ.
Она, какъ втершійся съ утра
Займодавецъ терпѣливый,
Торча въ передней молчаливой,
Не трогалась съ ковра.

Въ померкшей комнатѣ твоей
Врачи утрюмые шептались;
Твоихъ нахлѣбниковъ, цирцей
Смущеньемъ лица омрачались;
Вздыхали вѣрные рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхъ что сулили
Имъ тайныя судьбы.

А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой
Знобимъ стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы;
И мнилъ загрестъ онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучъ.

Онъ мнилъ: „теперь ужъ у вельможъ
„Не стану нянчить ребятишекъ;
„Я самъ вельможа буду тожь;
„Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ.
„Теперь мнѣ честность — тринь-трава!
„Жену общитывать не буду,
„И воровать уже забуду
„Казенныя дрова!“

Но ты воскресъ. Твои друзья,
Въ ладони хлопая, ликуютъ;
Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга въ радости цалуютъ;
Бодрится врачъ, поднявъ очки;
Гробовый мастеръ взоры клонитъ;
А вмѣстѣ съ нимъ прикащикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.

Такъ жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: безцѣнный даръ она;
Умѣй же пользоваться ею;
Украсть ее; года летять,
Пора! Введи въ свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Вашъ бракъ благословятъ.

КЪ Х

Ты богоматерь: нѣтъ сомнѣнья —
Не та, которая красой
Плѣнила только духъ святой:
Мила ты всемъ безъ исключенья:
Не та, которая Христа
Родила, не спросясь супруга.
Есть Богъ другой; земнаго круга
Ему послушна красота;
То Богъ Парни, Тибулла, Мура;
Имъ мучусь, имъ утѣшенъ я —
Онъ весь въ тебя — ты мать Амура,
Ты богородица моя!

Я жизнь любилъ, когда, полна
Игривыхъ, сладостныхъ мечтаній,
Она была озарена
Лучами яркихъ упованій
И наслажденьямъ отдана.
Я жизнь любилъ, доколь опытъ
И муки огненныхъ страстей
Не возбудили въ сердцѣ ропотъ,
Не изъяснили мнѣ людей.
А нынѣ, къ жизни равнодушный,
Скучаю всѣмъ, и для меня,
Блеснувъ, какъ метеоръ воздушный,
Изчезла прелесть бытія.
Ничто не тронетъ, не взволнуетъ
Души безчувственной моей
И объ утратѣ юныхъ дней
Она ужь боль не тоскуетъ.
Надеждъ обманчивые сны,
Веселья пламенные дни,
Любви таинственные ночи, —

Я васъ забылъ, — забылъ и васъ
Обворожительныя очи:
Пыль прежнихъ чувствъ во мнѣ погасъ.
Я полюбилъ покой безстрастья
И благъ у жизни не прошу:
Я не пойму земного счастья,
Я сердце мертвое ношу.

КЪ * * *.

Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки ;
Жестоки вы, Богъ вамъ судья!
Вы говорите: я въ горячкѣ,
Вы говорите: брежу я.
За что же гнѣвъ такой? — Не знаю!
Вѣдь я въ бреду, въ горячкѣ злой,
И потому я повторяю
Вамъ безпрестанно, что страдаю,
Что я люблю васъ, ангель мой!

Тебѣ въ прощальныя мгновенья
Стихи на память я пишу;
Быть можетъ, очень я грѣшу,
Вѣря имъ мои мученья;
Но что же дѣлать? — ничего
Въ душѣ скрывать я не умѣю:
И о прошедшемъ я жалю,
И жаль мнѣ сердца твоего.
Мнѣ грустно, другъ мой, что отнынѣ
Жизнь потечетъ твоя въ пустынь,
Гдѣ будутъ видѣть только глушь
Твои голубенькіе глазки;
Гдѣ думъ и чувствъ твоихъ, и ласки
Одинъ владѣтель будетъ — мужъ.
И грустно мнѣ, что этимъ ножкамъ
Ужъ не гулять въ тиши ночей,
При лунномъ свѣтѣ, по дорожкамъ
Тѣнистыхъ липовыхъ аллей.
И мнѣ о многомъ грустно, грустно . . .
Но какъ все это передать,

И какъ все выразить изустно,
Что можетъ сердце волновать?
Но я тоски моей не прячу
И, разставаясь съ тобой,
Я какъ ребенокъ горько плачу,
Прекрасный другъ мой, ангелъ мой!

Смотрю печально, молчаливо
На твой исписанный альбомъ,
И мыслю о поръ счастливой,
Объ этомъ времени златомъ,
Когда кипучіе набѣги
Моей причудливой мечты
Вносили дюжины элегій
Въ такіе жъ пестрые листы;
Когда на клятвъ грѣховодникъ,
Я въ звукахъ пламенныхъ стиховъ
Ихъ расточалъ, и былъ охотникъ
До упоительныхъ грѣховъ.
Теперь не то, — не тв ужъ грезы,
Не тв лѣта, и я душой —
Увы! — гожусь лишь для одной
Звательной, почтовой прозы
Съ ея безгрѣшной чепухой.

Весь день, отъявленный ленивецъ,
Не зная думъ другихъ и дѣлъ,
Мечтаю я: гдѣ жь тотъ частливецъ
Кому падешь ты на удѣлъ;
Кто въ подалуяхъ этихъ губокъ —
Соперницъ нѣжныхъ устъ Харитъ —
Въ самозабвеньи полный кубокъ
Земнаго счастья осушить!
Къ кому уста твои и очи
И замирающая грудь
Прильнуть во мракъ тихой ночи
И не дадутъ тебѣ заснуть!

.

Клянусь заранѣ Гименея
И грѣшную мечту делья,
И ея образъ твой чертя
Не сплю всю ночь, тоску тая,
Верчусь съ горячею подушкой,
И имъ люблюсь въ тайнѣ я,
Какъ запрещенною игрушкой
Порой любитъ дитя.

.

ТЫ И Я.

Ты богатъ, я очень бѣденъ;
Ты прозаикъ, я поэтъ;
Ты румянъ, какъ маковъ цвѣтъ,
Я, какъ смерть, и тощъ и блѣденъ.
Не имѣя въ вѣкъ заботъ,
Ты живешь въ огромномъ домѣ;
Я жь, средь горя и хлопотъ,
Провожу дни на соломѣ.
Бѣшь ты сладко всякій день,
Тянешь вины на свободѣ
И тебѣ не рѣдко лѣнь
Нужный долгъ отдать природѣ;
Я же съ черстваго куска,
Отъ воды гнилой и прѣсной,
Сажень за сто съ чердака
За нуждой бѣгу известной.
Окруженъ рабовъ толпой,
Съ грознымъ деспотизма взоромъ,
Аедронъ ты жирный свой
Подтираешь коленкоромъ;

Я же грѣшную дыру
Не балую дѣтской модой,
И Хвостова жесткой одой,
Хоть и морщуся, да тру.

— — — —

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

НЕНАПЕЧАТАННЫЕ ОТРЫВКИ ИЗЪ СТИХОТВО-
РЕНІЙ, ВОШЕДШИХЪ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАНИЕ
„СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА“.

КОНЕЦЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

„ГОРОДОКЪ“.

(См. Соч. Пушкина, изд. 1859 г. томъ I, стр. 43.)

Всегда я радъ душею
Съ нимъ время провождать,
Но, Боже, виновать!
Я каюсь предъ Тобою:
Служителей Твоихъ,
Поповъ я городскихъ,
Боюсь, боюсь бесѣды,
И свадебны объѣды
Затѣмъ лишь не терплю,
Что сельскихъ іереевъ,
Какъ папа Іудеевъ,
Я вовсе не люблю,
А съ ними крючковатый
Подъяческій народъ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплотъ.
Но, другъ мой, если вскорѣ

Увижусь я съ тобой,
То мы уходимъ горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами
(И слово ужь сдержу) —
Я съ сельскими попами
Молебень отслужу!

1815.

КОНЕЦЪ СТИХОТВОРЕНІЯ.

„ВИШНЯ“.

(См. Соч. Пушкина, изд. 1859 г. томъ I, стр. 94.)

И вѣтвь затрещала —
Бѣда! смерть грозить!
Пастушка упала, —
Но, ахъ! какой видъ!

Сучекъ преломленный
За платье задѣлъ:
Пастухъ удивленный
Всю прелесть узрѣлъ.

Среди двухъ прелестныхъ
Бѣлѣй снѣгу ногъ,
На сгибахъ чудесныхъ
Пастухъ то зрѣть могъ,

Что скрыто до время
У всѣхъ милыхъ дамъ,

За что изъ эдема
Былъ выгнанъ Адамъ.

Пастушку несчастну
Съ сучка тихо снялъ,
И грудь свою страстну
Къ красоткѣ прижалъ.

Вся кровь закипѣла
Въ двухъ юныхъ сердцахъ;
Любовь прилетѣла
На быстрыхъ крылахъ.

Утѣха страданій
Двухъ юныхъ сердецъ —
Въ любви ожиданій
Супругамъ вѣнецъ.

Прельщенный красою,
Младой пастушокъ
Горячей рукою
Коснулся до погъ.

вмигъ зарезвился
Амуръ въ ихъ ногахъ:
Пастухъ очутился
На полныхъ грудяхъ;

И вишню румяну
Въ соку раздавилъ,
И сокомъ багрянымъ
Траву окропилъ.

1815.

НАЧАЛО ПОСЛАНИЯ:

„КЪ М. Θ. ОРЛОВУ“.

(См. Соч. Пушкина, изд. 1859 г. томъ I, стр. 186.)

О ты, который сочеталъ
Съ душею пылкой, откровенной
(Хотя и русскій генераль)
Любезность, разумъ просвѣщенной!
О ты, который съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ, верхомъ,
Преподаешь царей науку;
Но не безславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача!
Орловъ, ты правъ: я покидаю
Свои гусарскія мечты,
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля — суеты!
На генерала Киселева
Не положу моихъ надеждъ;
Онъ очень милъ, о томъ ни слова,

Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
За жирнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидеть его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его;
Но онъ — придворный: обѣщанья
Ему не стоять ничего.

1818.

ОКОНЧАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ:

„УЕДИНЕНИЕ“.

(См. Соч. Пушкина, изд. 1859 г. томъ I, стр. 206.)

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ :

Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человечества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.

Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ и собственность и время земледѣльца;
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.

Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душъ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ

Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,

Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, если бѣ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витѣйства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенной
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

1819.

ЧЕТВЕРТАЯ СТРОФА ИЗЪ ОДЫ:

„НАПОЛЕОНЪ“.

(См. Соч. Пушкина, изд. 1859 г. томъ I, стр. 252.)

Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галль десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ,
Когда на площади мятежной
Во прахъ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбежный
Свободы свѣтлой день насталь . . .

1821.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

„ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ АРИСТАРХУ“.

(См. Соч. Пушкина, изд. 1859 г. томъ I, стр. 318.)

Сей старецъ *) дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Одинъ, среди вельможъ, онъ русскихъ музъ любилъ:
Ихъ незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ;
Отъ хлада нашихъ лѣтъ сберегъ онъ лавръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины;
Онъ съ нами сътовалъ, когда святой отецъ
Омара да Али принялъ за образецъ,
Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенъе,
Усердно заглушать старался просвѣщенъе;
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша,
И помогалъ ему Магницкій благородный,
Мужъ чистый въ правилахъ, душою превосходный
И даже бѣдный мой Кавелинъ—дурачекъ,

*) Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія адмиралъ
А. С. Шашковъ.

Креститель Галича, Магницкаго дьячекъ.
И вотъ, за всь грѣхи, въ чьи тягостныя руки
Вы были ввергнуты, печальныя науки!
Ценсура, вотъ кому подвластна ты была!
Но полно: мрачная година протекла,
И нынѣ ужь горитъ свѣтильникъ просвѣщенья.
Я съ перемѣною печатнаго правленья
Отставки ценсору, признаться, ожидалъ;
Но самъ не знаю какъ — ты, видно, устоялъ.

1824.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

„АНДРЕЙ ШЕНЬЕ“.

(См. Соч. Пушкина, изд. 1859 г. томъ I, стр. 339.)

„Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
Я славилъ твой небесный ликъ,
Когда онъ искрою возникъ,
Когда ты въ бурь восходило.
Я славилъ твой священный громъ,
Когда онъ разметалъ позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развѣялъ пепломъ и стыдомъ.
Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
Я слышалъ братскій ихъ объѣтъ,
Великодушную присягу
И самовластію безтронетный отвѣтъ;
Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
Все низпровергли, увлекли,
И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,
Перерожденіе земли.
Уже въ безсмертный Пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни,

Отъ пелены предубъжденій

Разоблачался ветхій тронъ,

Оковы падали. Законъ,

На вольность опершись, провозгласилъ равенство,

И мы воскликнули: „блаженство!“

О, горе! о, безумный сонъ!

Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами

Единый властвуетъ топоръ.

Мы свергнули царей! Убийцу съ палачами

Избрали мы въ цари! О, ужась! о, позоръ!

Но ты, священная свобода, —

Богиня чистая! Нѣтъ, не виновна ты:

Въ порывахъ буйной слѣпоты,

Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа

Скрывалась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ

Завѣшенъ пеленой кровавой. . . .

Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой —

И вновь враги твои падутъ.

Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,

Все ищетъ вновь упиться имъ;

Какъ будто Вакхомъ разъяренный,

Онъ бредитъ, жаждою томимъ.

Такъ! онъ найдетъ тебя подъ снѣгоу равенства;

Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,

И буря мрачная минѣтъ.

Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства! . . .

1825.

ОПУЩЕННЫЯ СТРОФЫ ИЗЪ СТИХОТВОРЕНИЯ:

„МОЯ РОДОСЛОВНАЯ“.

(См. Соч. Пушкина, изд. 1859 г. т. I, стр. 465—467.)

I.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ.
Смотри пожалуй, вздоръ какой!
Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто — русскій мѣщанинъ.

II.

Понятна мнѣ времянь превратность, —
Не прекословлю, право, ей;
У насъ нова рожденьемъ знатность
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И, слава Богу, не одинъ,
Бояръ старинныхъ я потомокъ —
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ.

III.

Не торговалъ мой дѣдъ блинами*),
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ**),
Не пѣлъ на клиросѣ съ дьячками***),
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ †),
И небылъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ ††):
Куда жь мнѣ быть аристократомъ?
Я, слава Богу, мѣщанинъ!

VI.

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ:
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ.

*) Князь А. Д. Меньшиковъ, родоначальникъ фамиліи, былъ, какъ извѣстно, пирожникомъ въ Москвѣ.

**) Государственный канцлеръ князь А. А. Безбородко и князь Кочубей.

***) Графъ А. Г. Разумовскій, любовникъ и потомъ мужъ императрицы Елизаветы Петровны, началъ свою карьеру пѣвчимъ въ придворной капеллѣ.

†) Графъ И. П. Кутайсовъ, начавшій свою службу при Павлѣ I въ званіи камердинера и брандобръя и окончившій ее оберъ-штальмейстеромъ.

††) Предполагаютъ вообще, что это намекъ на фельдмаршала графа Миниха; но врядъ ли это такъ. Скорѣе не намекаетъ ли здѣсь Пушкинъ на отца графа П. А. Клейнмихеля, который, по прибытіи своемъ изъ-за границы, былъ нѣкоторое время въ услуженіи у директора корпуса Мелісieno и вздѣлъ гайдукомъ за его каретой, а впоследствии былъ произведенъ въ генералы и занялъ мѣсто своего бывшего барина.

Его примѣръ будь намъ наукой;
Не любить спора властелинъ;
Не всякъ князь Яковъ Долгорукой;
Счастливъ покорный мѣщанинъ.

VII.

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь петергофскаго двѣра,
Какъ Минихъ, вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ,
И пристраивалъ нашъ родъ суровый,
И я родился мѣщанинъ.

1830.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

НАДПИСИ И ЭПИГРАММЫ, НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ
ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАНИЕ „СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА“.

ПЕСТЕЛЮ.

Снесем иль нѣтъ главу свою —
Изъ полновѣснаго стакана
Твое здоровье, Пестель, пью,
И рвусь и злюся на тирана. . . .

1821.

КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Онъ высшей волею небесъ
Живетъ на службѣ царской.
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Афинахъ — Периклесь,
А здѣсь онъ — офицеръ гусарскій.

НА ВОЦАРЕНІЕ АЛЕКСАНДРА I^{го}.

Сказалъ деспотъ: „Мои сыны,
„Законы будутъ вамъ даны;
„Я возвращу вамъ дни златыя
„Благословенной старины!“ —
И обновленная Россія
Надъла съ выпушкой штаны.

КЪ ПАМЯТНИКУ АЛЕКСАНДРА І^{ГО}.

Всю жизнь провелъ въ дорогъ
И умеръ въ Таганрогъ.

НИКОЛАЮ I^{МУ}.

I.

Великій государь,
Ты нашихъ бѣдъ виновникъ!
Хотя плохой ты царь,
За то лихой полковникъ.

II.

Едва царемъ онъ сталъ —
И разомъ начудесилъ:
Сто двадцать человекъ тотчасъ въ Сибирь послалъ,
Да пятерыхъ повѣсилъ.
1826.

Желали правъ они — права имъ и даны ·
Изъ узкихъ сдѣлали широкіе штаны.
1826.

Въ Россіи нѣтъ закона —
А столбъ и на столбъ корона.

НАДПИСЬ КЪ ИСАКІЕВСКОЙ
ЦЕРКВИ.

Сей храмъ трехъ царствъ изображенъ:
Гранить, кирпичъ и разрушенъ.

КЪ ПОРТРЕТУ АРАКЧЕЕВА.

Холопъ звнчаннаго солдата!
Ты стоишь лавровъ Герострата.
Иль смерти нѣмца Коцебу;
А впрочемъ —!

КНЯЗЮ А. Н. ГОЛИЦЫНУ.

I.

Полу-фанатикъ, полу-плуть,
Ему орудиємъ духовнымъ:
Проклятье, мечъ и крестъ и кнутъ.
Пошли намъ, Господи, грѣховнымъ
Поменьше пастырей такихъ —
Полу-благихъ, полу-святыхъ.

II.

Вотъ Хвостовой покровитель,
Вотъ холопская душа,
Просвѣщенія губитель,
Покровитель Бантыша!
Напирайте, Бога ради,
На него со всѣхъ сторонъ!
Не попробовать ли сзади?
Тамъ всего слабѣе онъ.

III.

Онъ добрый малый, братъ сестрицамъ,
Онъ небыль золь ни для кого;
Скажите правду, князь Голицынъ,
Ужь не повѣсятъ ли его?

ГРАФУ В—ВУ.

Полу-милордъ, полу-купецъ,
Полу-мудрецъ, полу-невъжда,
Полу-подлецъ, но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ.

КНЯЗЮ ДУНДУКОВУ.

Въ Академіи Наукъ
Засѣдаетъ князь Дундукъ.
Говорятъ, не подобаетъ
Дундуку такая честь;
Отъ чего жь онъ засѣдаетъ?
Отъ того что ж . . . есть.

ПРО СЕБЯ.

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь,
Я много обещаю —
Исполню ли? Богъ вѣсть!

АВТОРУ „ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА
РОССІЙСКАГО“.

I.

Въ его „Исторіи“ изящность, простота
Доказываютъ намъ, безъ всякаго пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

II.

На плаху истину влача,
Онъ доказалъ намъ безъ пристрастья
Необходимость палача
И прелесть самовластья.

1819.

Сошлись школьники и вскорѣ
Одинъ изъ нихъ кой-какъ рецензію скропалъ,
Въ которой ясно доказалъ,
Что горе отъ ума — не рецензента горе.

ЖУКОВСКОМУ.

Изъ савана одвлся онъ въ ливрею,
На ленту промѣнялъ лавровый свой вѣнецъ,
Не подражая больше Грею,
Съ указкой втерся во дворецъ —
И что же вышло наконецъ?
Предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею.
Бѣдный пѣвецъ!

ПАРОДИЯ

на стихотвореніе Жуковскаго
„Тлѣнность“.

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что, если это проза
Да и дурная? . . .

1819.

„Сыны Отечества“ и „Въстники Европы“
Полезны для ума, а болѣе для ж. . . .

За ужиномъ обълся я,
Да Яковъ заперъ дверь оплошно —
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно.

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный,
Элегія семьѣ своей читалъ,
А казачекъ огарокъ свѣчки сальной
 Предъ ними съ трепетомъ держалъ.
Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ, зарыдалъ . . .
„Вотъ, вотъ съ кого примѣръ берите, дуры!“
Князь дочерямъ въ восторгъ закричалъ:
 „Откройся милый сынъ природы!
„Ахъ, что слезой твой омрачило взоръ?“
А тотъ въ отвѣтъ: — мнѣ хочется на дворъ.

Хоть участие не поможетъ,
Все жь мнѣ жаль, что графъ Хвостовъ
Удержать въ себѣ не можетъ
Ни у . . . ни стиховъ.

А. Н. МУРАВЬЕВУ,

послѣ представленія трагедіи его: „Битва при Тиверьядѣ“.

Не всѣхъ бѣснующихъ людей
Богъ истребилъ при Тиверьядѣ —
И изъ утопленныхъ свиней
Одна осталась въ Петроградѣ.

П—МУ.

Онъ третей гильдіи купецъ,
Второй съ Булгаринымъ предатель
Послѣдней гильдіи писатель
И первой гильдіи подлець.

Нѣтъ подлѣе до Алтая
П—го Николая,
И глупѣе нѣтъ отъ Понта
П—го Ксенофонта.

ЭПИГРАММЫ НА БУЛГАРИНА.

I.

Не то бѣда, что ты Полякъ:
Костюшка Ляхъ, Мицкевичъ Ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ Татаринъ —
И въ томъ не вижу я стыда,
Будь жидъ — и это не бѣда,
А то бѣда, что ты Булгаринъ.

1830.

II.

Булгаринъ — вотъ Полякъ примѣрный!
Въ немъ истинныхъ Сарматовъ кровь!
Взгляните, какъ въ груди сей вѣрной
Сильна къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ Русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Ходилъ онъ подъ орломъ французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ:
Патріотическій предатель,

Разстрига, самозванецъ сей
Уже не воинъ, а писатель,
Ужь Русскій, къ сраму нашихъ дней.
Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодя
И Русскихъ братствомъ запятналъ.

III.

Лелѣешь ты свои красы:
Ты на лицо румяна съплемь,
Ты брѣешь бороду, усы,
Ты волоса на тѣлѣ щиплешь;
Все это для жены твоей
(Ты къ ней любовью пламенѣешь) —
Такъ, вѣрю я, мой другъ Фаддѣй,
Но для кого ты г . . . брѣешь?

IV.

Всѣ говорятъ: онъ Вальтеръ-Скоттъ;
Но я поэтъ — не лицемѣрю:
Согласенъ я — онъ просто скотъ,
Но что онъ Вальтеръ-Скоттъ — не вѣрю!

У.

Фаддей роди „Ивана“,
„Иванъ“ роди „Петра“*):
Отъ дѣдушки болвана
Какого жь ждать добра?

*) „Иванъ Ивановичъ Выжигинъ“ и сынъ его „Петръ Ивановичъ Выжигимъ“ — два романа Фаддея Булгарина.

Тимковскій царствовалъ — и всѣ твердили въ слухъ,
Что врядъ ли гдѣ ословъ найдешь подобныхъ двухъ.
Явился Бируковъ, за ними вслѣдъ Красовскій:
Ну право ихъ умнѣй покойный былъ Тимковскій!

Къ Смирдину какъ ни зайдешъ —
Ничего не купишь:
Иль Сенковского найдешъ,
Иль въ Булгарина наступишь.

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ.
У торговаша сего семь пятницъ на недѣль;
Его четвергъ на самомъ дѣль
Есть послѣ дождика четвергъ.

ЛВУ СЕРГѢВИЧУ ПУШКИНУ.

I.

Нашъ пріятель Пушкинъ Лёвъ
Не лишень разсудка;
Но съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

II.

Все измѣнилось подъ нашимъ зодіакомъ:
Левъ козерогомъ сталъ, а дѣва стала ракомъ.

Накажи святой угодникъ
Капитана Борозду:
Разлюбилъ онъ греховодникъ
Нашу матушку.....

Не вѣрю чести игрока,
Любви къ Россіи Поляка,
Не вѣрю я французской дружбѣ
И безкорыстью Нѣмца въ службѣ.

ГР. А. А. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ.

Благочестивая жена
Душою Богу предана,
А грѣшной плотію
Архимандриту Фотію.

РАЗГОВОРЪ ФОТІЯ СЪ ГР. ОРЛОВОЙ.

„Внимай, что я тебѣ вѣщаю:

„Я тѣломъ евнухъ, мужъ душой“.

— Но что жъ ты дѣлаешь со мной? —

„Я тѣло въ душу превращаю“.

КНЯЖНѢ С. А. УРУСОВОЙ*).

Не вървалъ я Троицъ донинъ:
Мнѣ Богъ тройной казался все мудренъ;
Но вижу васъ — и, върой одаренъ,
Молюсь тремъ граціямъ въ одной богинѣ.

*) Пывъ — княгиня Радзивиль.

НИМФОДОРЪ СЕМЕНОВОЙ.

Желалъ бы быть твоимъ покровомъ,
Или собачкою твоей,
Или поручикомъ Барковымъ . . .
Ахъ онъ поручикъ, ахъ злодѣй!

КЪ * * *.

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради,
Хвалю тебя, мой другъ, и спереди и сзади.

Ты хочешь знать, о дѣва молодая,
Какая разница межъ Буало и мной:
У Буало одна лишь запятая,
А у меня двѣ точки съ запятой.

Черна, какъ галка,
Суха, какъ палка,
Увы! Весталка,
Тебя мнѣ жалко!

Она тогда ко мнѣ придетъ ,
Когда весь міръ уgomонится :
Когда все доброе ложится
И все недоброе встаетъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ О СОЧИНЕНИЯХЪ
ПУШКИНА.

I.

ДОПОЛНЕНИЯ, ВАРИАНТЫ И ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПОСЛѢДНЕМУ ИЗДАНІЮ „СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА“.

Томъ первый.

КЪ СЕСТРѢ.

Стр. 1. Точки, послѣ стиха: „Съ угрюмой тишиной“, поставлены самимъ Пушкинымъ, и пропуска тутъ нѣтъ.

Стр. 4, ст. 4. Сюда вкралась опечатка, перешедшая во всѣ изд. „Соч. Пушкина“. Стихъ этотъ слѣдуетъ читать такъ:

„*Увлекись въ даль судьбою*“.

Стр. 5. Не помѣщено окончаніе стихотворенія, напечатанное въ „Библиогр. Зап.“ (1858, No. 10, столб. 309):

Оставлю 'темну келью,
Поля, сады свои,
Подъ столъ клубукъ съ веригой,
И прилечу разстригой
Въ объятія твои.

КЪ ДРУГУ - СТИХОТВОРЦУ.

Стр. 7, ст. 18. Вместо: *отшельникъ* — *священникъ*.

Стр. 8, ст. 1 и 2. Въ рукописи читаются такъ:
„Послушайте“, сказалъ *священникъ* мужикамъ,
„Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте.“

КОЛЬНА.

Точки, встрѣчающіяся на стр. 11 и 12, поставлены самимъ Пушкинымъ, и не означаютъ пропуска.

КРАСАВИЦЪ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

Стр. 19, ст. 15. Опущено окончаніе стиха:
„... и между ногъ“. Стихотвореніе написано къ сестрѣ А. М. Горчакова, княгинѣ Е. М. Кантакузеной, которая, впрочемъ, не знала о его существованіи. (Сообщено покойнымъ И. И. Пушкинымъ.)

ПИРУЮЩІЕ ДРУЗЬЯ.

Въ рукописныхъ сборникахъ носитъ заглавіе: „Къ студентамъ“.

Стр. 20. Въ началъ второй строфы опущены два стиха:

Ужели трезваго найдемъ
За скатертью студента?

Въ концъ той же строфы недостаетъ также двухъ стиховъ:

И будутъ самые цари
Завидовать студентамъ.

Въ той же строфѣ, вмѣсто: „защитникъ — апостолъ“.

Стр. 21, ст. 14: *Не рѣдко . . .* Вариантъ: *Не въ первый . . .*

Тамъ же, ст. 28: *задушевный . . .* Вариантъ: *неизлѣбный . . .* Последній вариантъ вѣрнѣе, потому что эпитетъ — *неизлѣбный* лучше рѣмается съ словомъ — *рожденный*, чѣмъ *задушевный*; а Пушкинъ и въ Лицеѣ не допускалъ бѣдныхъ рѣемъ.

Четыре стиха, начинающіеся словами: „Острякъ любезный!“ (стр. 20) — относятся къ покойному поэту Иличевскому. Слѣдующіе 8 стиховъ (стр. 21) — относятся къ князю А. М. Горчакову (нынѣ министръ иностранныхъ

дѣль). Слѣдующая за ними строфа, начинающаяся стихомъ: „Товарищъ милый! другъ прямой!“ и отличающаяся особенною теплотою, обращена къ декабристу И. И. Пущину, одному изъ благороднѣйшихъ людей, пострадавшему въ послѣдствіи за святое дѣло и умершему въ 1859 г. въ Москвѣ, гдѣ онъ поселился по возвращеніи изъ ссылки. Строфа, начинающаяся стихомъ: „О ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ“, — относится къ М. Л. Яковлеву (нынѣ дѣйст. ст. сов. въ отставкѣ); слѣдующая за ней — къ И. В. Малиновскому (нынѣ полковникъ въ отставкѣ); слѣдующая (стр. 22), начинающаяся стихомъ: „Приблизься милый нашъ пѣвецъ“, — къ Н. А. Корсакову, умершему въ началѣ двадцатыхъ годовъ во Флоренціи. Наконецъ, послѣдніе два стиха посланія обращены къ В. К. Кюхельбекеру, раздѣлившему горькую участь Пущина и умершему въ Сибири, въ 1843 году.

ГОРОДОКЪ.

Стр. 30. Послѣ стиха: „Увы! ни на часокъ“ — опущено два стиха, а не три, какъ означено въ послѣднемъ изданіи. Вотъ они:

Какъ будто у налож
Измученный дьячекъ.

Стр. 36, ст. 8—11. Опущено 4 стиха:

И ты, насмѣшникъ смѣлый,
Въ ней мѣсто получилъ,
Чей въ Адъ стихъ веселый
Поэтовъ раздражилъ.

Причина запрещенія ценсурой этихъ четырехъ стиховъ, относящихся къ Батюшкову и его поэмъ: „Виднѣе на берегахъ Леты“, рѣшительно не объяснима.

Стр. 38. Послѣ (а не вмѣсто, какъ утверждаетъ г. Геннади) стиха: „Но ею мнѣ ль гордиться?“ слѣдуетъ стихъ:

Но мнѣ ль безсмертьемъ льститься?

Стр. 43. Вмѣсто 20 заключительныхъ стиховъ, напечатано всего 6. Для ясности, помѣщаемъ, въ отдѣлъ отрывковъ, весь конецъ, въ связи съ четырьмя предъидущими стихами.

КЪ ПУЩИНУ.

Стр. 44, ст. предпоследній. Вмѣсто: *жрецомъ* — *попомъ*. Такъ стоитъ въ рукописи Пушкина, находящейся въ бумагахъ покойнаго И. И. Пущина. Подъ стихотвореніемъ означено: 4 мая 1815 г.

КЪ ГАЛИЧУ.

Стр. 46, ст. 14. Напечатано: *Э—еву*, читай: *Золотареву*.

Тамъ же, ст. 29: „И вдругъ, *спускаясь* въ подушку“.

Вариантъ: „И вдругъ, *спускаясь* на подушку . . .“

ВИШНЯ.

Стр. 93. Послѣ стиха: „Прельщать создана“ — пропущенъ одинъ куплетъ:

Корсетомъ прикрыта
Вся прелесть грудей,
Подъ фартукомъ скрыта
Приманка людей.

Опущенный конецъ стихотворенія помѣщаемъ въ отдѣлъ отрывковъ.

МОЕМУ АРИСТАРХУ.

Точки, встрѣчающіяся на стр. 97 и 98, поставлены самимъ Пушкинымъ, и пропуска тутъ нѣтъ.

ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

Въ рукописи стихотвореніе это носитъ заглавіе: „Картины“, и каждый изъ его IX отдѣловъ означенъ особымъ названіемъ. Именно: 1) Па-

стушка, II) Пещера, III) Фавнъ, IV) Ръчка, V) Чудо, VI) Фіаль, VII) безъ заглавія, VIII) Очередь и IX) Философъ. Кромъ того въ рукописи есть нѣсколько вариантовъ и добавленій противъ печатнаго. О первыхъ, по ихъ незначительности, мы умолчимъ; вторые же приведемъ здѣсь вполнѣ.

Стр. 104, вмѣсто ст. 15—17, читаемъ:

*Когда же въ скромной хатѣ
Пастушку на кроватѣ
Застанетъ тихій сонъ,
Въ полуножномъ молчаньи
При мѣсячномъ сіяньи
Слетаетъ Купидонъ. . . .*

Стр. 107, вмѣсто ст. 9—12, читаемъ:

*Такъ дѣвица мегтала
Подъ гасъ — и воздыхала.
Вдругъ слышится глухой
Ей шорохъ за кустами,
И вотъ, блеснувъ очами,
Предъ нею богъ лѣсной.*

ИСТИНА.

Стр. 112, вмѣсто ст. 3 и 4, въ рукописи читаемъ:

*И долго, долго повторяли
Пустые толки стариковъ.*

НАЪЗДНИКЪ.

Вотъ нѣсколько вариантовъ, извлеченныхъ нами изъ рукописи:

Стр. 121, ст. 4 и 5.

Звѣзда полунози сіяла.

При погасающихъ огняхъ . . .

Стр. 122, ст. 8.

Вотъ подемъ всадники спѣшатъ. . . .

Стр. 123, ст. 15 и 16.

Предчувствую конецъ желанный;

Меня зоветъ послѣдній бой.

Стр. 124, ст. 14. Недостающаго начала стиха нѣтъ въ рукописи Пушкина, гдѣ оно также означено точками.

ПИСЬМО КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Стр. 126, вмѣсто стиховъ:

И мучить бѣднаго Ослова . . .

И лобъ угрюмый Шутовского . . .

въ рукописи стоитъ:

И мучить бѣднаго Шишкова . . .

И лобъ угрюмый Шаховского . .

ПОДРАЖАНІЕ.

Стр. 138. Недовольный первою редакціей этого стихотворенія (см. „Приложенія къ Соч. Пушкина“, стр. 22.), Пушкинъ исправилъ его около 1825 г., приче́мъ откинулъ вовсе 14 заключительныхъ стиховъ, а въ срединѣ, вмѣсто трехъ стиховъ, поставилъ строчку точекъ, которыя не слѣдуетъ считать за пропускъ.

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Стр. 159, стихъ 7:

Вѣ младенцествѣ моелѣ я чувствовать умѣлъ...

Вариантъ:

Ребенокѣ, мирный звукѣ я чувствовать умѣлъ...

Стихъ 11: *Сѣ какою* ... Вариантъ: *Сіяя* ...

Стихъ 19:

Такъ рано *встрѣтилѣ* я и зракъ кровавый ...

Вариантъ:

Такъ рано *зависти увидѣлѣ* зракъ кровавый ...

Стр. 160, ст. 1. Послѣ словъ: „Погибъ на утрѣ“, пропущено: *вешнихъ*.

Тамъ же, стихи 4, 6 и 7:

И тихо проживу . . .

И еробъ несчастнаго . . .

Забвенья поростетъ . . .

Варианты:

Что нужды, проживу . . .

И памятникъ пѣвца . . .

Забытый, поростетъ . . .

ВЪ АЛЬБОМЪ И. И. ПУЩИНУ.

Стр. 168. Въмѣсто стиха: „Печали, радости, мечты души твоей“, въ подлинной рукописи Пушкина стоятъ два стиха:

Мечты молодой души твоей,

Печали, радости, надежды, наслажденья . . .

Да въ послѣднемъ стихѣ слово: *вѣзень* повторено два раза.

ПОСЛАНИЕ КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Стр. 174, ст. 4. Напечатано: *Г у*, читай: *Глинку*.

Стр. 176, ст. 11. Слѣдуетъ поставить:

Свой рай и счастье глупцамъ . . .

Напечатано вполнѣ въ IV кн. „Полярной Звѣзды“ на 1858 г. (стр. 265—267) и „Новыхъ Стихотвореніяхъ Пушкина и Шевченки“ (1859, стр. 35—38).

КЪ М. Θ. ОРЛОВУ.

Стр. 186. Начало этого посланія не вполнѣ вошло въ последнее изданіе „Соч. Пушкина“, хотя и было напечатано въ „Библиогр. Зап.“ (1858, No. 11, столб. 338). Именно: стихи 3 и 4 — перепутаны; затѣмъ выпущено семь стиховъ, а черезъ четыре строки — еще девять. Итого — всего выпущено и искажено 18 стиховъ. Для ясности помѣщаемъ, въ отдѣль отрывковъ, все начало посланія, напечатаннаго вполнѣ во II кн. „Полярной Звѣзды“ на 1856 г. (стр. 11 и 12), откуда перешло въ „Русскую Библіотеку“ (1858, т. I, стр. 13 и 14).

КЪ П. Я. ЧААДАЕВУ.

Стр. 187. Посланіе это, явившееся первоначально въ альманахъ: „Сѣверная Звѣзда“ (1829, стр. 50), напечатано съ такими передѣлками и со-

кращеніями, сдѣланными по милости ценсуры, что совершенно утратило первоначальный смыслъ, а мѣстами и смыслъ вообще. Въ такомъ видѣ перешло оно во всѣ изданія „Соч. Пушкина“, за исключеніемъ послѣдняго (Исакова), въ которомъ отброшены передѣланные издателемъ альманаха стихи. По этому помѣщаемъ въ нашемъ изданіи помянутое стихотвореніе вполнѣ, какъ оно напечатано во II кн. „Полярной Звѣзды“ на 1856 г. (стр. 10), откуда оно перепечатано въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 6). Кроме того въ рукописныхъ сборникахъ встрѣчаются слѣдующіе варианты:

Ст. 1: *гордой*. Вариантъ: *тихой*.

Ст. 2: *тѣшилѣ*. Вариантъ: *нѣжилѣ*.

Ст. 4: *какѣ сонѣ*. Вариантъ: *какѣ дымѣ*.

Ст. 13: *свободою*. Вариантъ: *надеждою*.

Ст. 18: *заря*. Вариантъ: *звѣзда*.

Кромѣ того въ нѣкоторыхъ спискахъ, послѣ стиха: „Отчизны внемлѣмъ призыванья“, встрѣчаемъ два стиха:

Питай, мой другъ, священный жаръ,
И искра дѣлаетъ пожаръ.

ВЪ АЛЬБОМѢ М. А. ЩЕРБИНИНУ.

Стр. 189, ст. 10: *нафосской*. Вариантъ: *массонской*.

Н. И. КРИВЦОВУ.

Стр. 190, ст. 13:

Христосъ и вѣрный Купидонъ.

В. В. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.

Стр. 202, ст. 7: *Какъ прежде...* Вариантъ: *Съ Кипридой...*

Ст. 13: *Пировъ и пѣви...* Вариантъ: *Свободы, Вакха...*

Ст. 14: *вѣтряный.* Вариантъ: *набожный.*

Ст. 18: *молвы.* Вариантъ: *Москвы.*

Кромъ того въ концъ посланія опущено два стиха:

На-счетъ небеснаго царя,
А иногда на-счетъ земного.

УЕДИНЕНИЕ.

Стр. 205, ст. 5. Вместо: *цирцей — царей.*

Стр. 206. Послѣ стиха: „На пагубу людей избранное судьбой“, опущено 14 стиховъ, да въ концъ (стр. 207) — четыре. Впрочемъ эти послѣдніе четыре стиха были напечатаны въ 11 Но „Московскихъ Вѣдомостей“, на 1861 г., въ рѣчи

М. П. Погодина, произнесенной имъ 12 января того же года за обѣдомъ, даннымъ въ память годовщины основанія Московскаго университета. Стихотвореніе это въ рукописныхъ сборникахъ носитъ заглавіе: „Деревня“. Подъ этимъ титуломъ напечатано оно вполнѣ во II кн. „Полярной Звѣзды“ на 1856 г. (стр. 6 и 7), откуда перепечатано въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 7—9). Для ясности помѣщаемъ въ отдѣлѣ отрывковъ весь конецъ этой піесы.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Стр. 210. Въ рукописныхъ сборникахъ стихи 19, 20 и 27 читаются такъ:

Гдѣ *Бутурлинъ* невѣждъ законодатель,
Гдѣ *Шепкинъ* царь, а скука предсѣдатель...
Затянутый невѣжда-генералъ...

ОТВѢТЪ.

Стр. 212, ст. 3: „И въ силѣ, въ гордости свободной...“

Вариантъ: „И идоламъ молвы народной...“

Ст. 5. Въмѣсто: *Природу — Свободу.*

Въ 7-мъ стихѣ пропущено слово: *царей.*

Ст. 17: „Любовь и тайная свобода...“

Вариантъ: „И горделивая свобода...“

КЪ Ѳ. Ф. ЮРЬЕВУ.

Стр. 213, ст. 13: „Гдѣ съ громкимъ смѣхомъ
сладострастья...“

РѢДѢТЬ ОБЛАКОВЪ ЛЕТУЧАЯ ГРЯДА.

Стр. 217. Въ концѣ стихотворенія опущено три
стиха:

Когда на хижины сходила ночи тѣнь,
И дѣва юная во мгль тебя искала,
И именемъ своимъ подругамъ называла.

Они были исключены Пушкинымъ по особымъ
причинамъ, которыхъ теперь не существуетъ, и по-
тому ихъ нечего относить въ примѣчанія, какъ это
сдѣлали гг. Анненковъ и Геннади.

ГРОБЪ ЮНОШИ.

Стр. 237. Точки, въ началѣ стихотворенія, по-
ставлены самимъ Пушкинымъ, и не означаютъ
пропуска.

ЧААДАЕВУ.

Стр. 246. Недостаетъ предпоследняго стиха:

Холопа знатнаго, невѣжды при звездѣ...

Вариантъ:

*Вельможи знатнаго, холопа при звездѣ,
Или философа и проч.*

Подъ именемъ философа здѣсь разумется графъ Толстой, прозванный Американцемъ, къ которому относятся известные стихи въ „Горѣ отъ Ума“:

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся Алеутомъ,
И крѣпко на руку не чистъ.

Стр. 247. Послѣ стиха: „Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ“, опущенъ стихъ:

Вольнолюбивыя надежды оживимъ...

Тамъ же, ст. послѣдній. Напечатано: *Шеп*
— *га*, читай: *Шеппинга*.

НАПОЛЕОНЪ.

Стр. 252. Опущена четвертая строфа, которую помѣщаетъ въ отдѣлъ отрывковъ.

Тамъ же, стихъ послѣдній:

Едва рожденная свобода...

Вариантъ:

Новорожденная свобода...

Стр. 153, ст. 1: *силѣ*. Вариантъ: *крилѣ*.

Ст. 14: *Сбылось...* Вариантъ: *И се...*

Ст. 22: *Надменный*. Вариантъ: *Губитель*.

Стр. 154, стихи 1 и 7:

Россія, бранная царица...

Благослови Москву, Россія!

Вариантъ:

Но Русь! возстань племенѣ царица!

Вѣ Москвѣ не царь, вѣ Москвѣ — Россія!

Пропущенныя строфы были напечатаны во II кн. „Полярной Звѣзды“ на 1856 г. (стр. 14 и 15), откуда перешли въ „Русскую Библиотеку“ (1858, т. I, стр. 34—36).

И НѢКІЙ ДУХЪ ПОВѢЯЛЪ НЕВИДИМО.

Стр. 255—256. Опущены первые шесть куплетовъ и пятый стихъ послѣдняго (десятаго).

Вполнѣ это стихотвореніе было напечатано въ V кн.

„Полярной Звѣзды“ на 1859 г. (стр. 21 и 22).
Для ясности помѣщаемъ названное стихотвореніе
цѣликомъ.

Купл. VII, ст. 4: *вольницы*. Варіантъ: *воль-*
ности.

Купл. IX, ст. 5. Въ обоихъ послѣднихъ изда-
ніяхъ „Соч. Пушкина“ въ этомъ стихѣ, вмѣсто:
Владыкъ полунощи, — поставлено: *Во мракѣ*
полунощи, очевидно для ценсора.

АДЕЛИ.

Стр. 264. По словомъ г. Плетнева, стихотворе-
ніе это написано къ дочери того самаго А. Л.
Давыдова (декабриста и двоюроднаго брата извъ-
стнаго партизана Д. В. Давыдова), къ которому
адресовано посланіе Пушкина, начинающееся сти-
хомъ: „Нельзя, мой толстый Аристипъ“ (см. т. I,
стр. 283). Къ нему же относятся стихи въ
„Онѣгинъ“:

Всегда доволенъ самъ собой,
Своимъ объдомъ и женой.

А. Л. Давыдовъ давно умеръ въ Сибири, а
вдова его, урожденная графиня Грамонъ, вышла,
впослѣдствіи, замужъ за французскаго генерала Се-
бастьяни.

ЖАЛОБА.

Стр. 272. Въ печатной и рукописной редакціяхъ этого стихотворенія есть довольно — значительная разница, почему мы и печатаемъ его цѣликомъ.

ЭПИГРАММА НА К***.

Стр. 273. Читай: „Эпиграмма на Каченовскаго“.

ЭЛЕГІЯ.

Стр. 277. Это стихотвореніе, какъ равно и слѣдующее за нимъ, относятся къ г-жѣ Ризничъ, а стихъ: „Скажи еще: *соперникъ* вѣчный мой“... — къ г. Сабаньскому.

НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ ПОТУХЪ...

Стр. 279. Пять строкъ точекъ въ концѣ стихотворенія, съ двумя стихами по срединѣ и словомъ „но если“ въ концѣ, находятся въ рукописи Пушкина, и потому — это не пропускаемъ.

КЪ МОРЮ.

Стр. 288, ст. 3. Опущено слово: *тиранъ*.

Варианты:

Непросвѣщенъе, иль тиранъ...

Иль суетвѣрье, иль тиранъ...

РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

Стр. 296. Строка точекъ, встречающаяся на этой страницѣ, поставлена самимъ Пушкинымъ.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Точки въ концѣ стихотворенія (стр. 300) означаютъ не пропускъ, а переходъ отъ стиховъ къ прозѣ обыкновеннаго дружескаго письма, не представляющаго особеннаго интереса.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ АРИСТАРХУ.

Стихотвореніе это, подъ заглавіемъ: „Цензору“, напечатано вполнѣ въ IV кн. „Полярной Звѣзды“ на 1858 г. (стр. 268—270) и „Новыхъ Стихотвореніяхъ Пушкина и Шевченки“ (1859, стр. 39—43). Что же касается послѣдняго изданія „Соч. Пушкина“, то означенная пьеса помещена въ немъ съ нѣсколькими, впрочемъ весьма

незначительными, пропусками, означенными точками. Возстановляемъ ихъ.

Стр. 314, стихъ 26:

Гласъ правды — мятежомъ, *Куницына* — *Маратомъ*...

Стр. 315, стихи 19 и 25:

Осмѣивать законъ, правительство и нравы...
Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ...

Стр. 316, стихъ 8:

Кутейкинъ и Христосъ два равныя лица!

Тамъ же, послѣ стиха: „Ужели къ тѣмъ годамъ
мы снова обратимся“, опущено два стиха:

*Когда никто не смѣлъ отечества назвать,
И въ рабствѣ ползали и люди и пегать!*

Вмѣсто слѣдующихъ за этимъ девяти стиховъ,
въ „Полярной Звѣздѣ“ напечатано всего семь, ко-
торые читаются такъ:

Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло, губительное время:
Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
Тамъ ценсоромъ уже не можетъ быть глупецъ!
Исправся жь, будь умнѣй и сбрось вражды ты бремя.
„Но можно ль ценсору по совѣсти судить?
Конечно, вамъ смѣшно, а я не рѣдко плачу;
Я долженъ то того, то этого бранить...“

Въ сущности — то же самое: выкинуто нѣсколько словъ, да переставлено нѣсколько стиховъ.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ АРИСТАРХУ.

Стр. 318. Послѣ стпха: „И ими назвалась (для риѣмы) красота“, пропущенъ стихъ:

Не оскорбляя тѣмъ и Господа-Христа.

Послѣ стиха: „Осиротѣлаго вѣнца Екатерины“, опущено 18 стиховъ, которые мы, для ясности, печатаемъ въ отдѣлѣ отрывковъ въ связи съ нѣсколькими предшествующими стихами, напечатанными въ „Сочпненіяхъ“. Изъ числа этихъ 18, запрещенныхъ ценсурою, стиховъ, 5 были напечатаны въ „Библиогр. Зап.“ (1858, No. 1, столб. 348); но и они не попали въ послѣднее изданіе „Соч. Пушкина“.

ЭЛЕГИЯ.

Стр. 322. Не знаемъ, почему стихотвореніе это отнесено издателемъ къ 1825 году, когда подъ нимъ означено: 29 іюля 1826 года. Кромѣ того въ послѣднемъ изданіи не упомянуто, что въ рукописи оно имѣетъ слѣдующую помѣтку:

Усл. о см. 25.

У. о. с. Р. П. М. К. Б.: 24.

Въ обѣихъ строчкахъ первыя слова должны означать: *Услышалъ о смерти*. Если отнести первую отмѣтку къ г-жѣ Ризничъ, памяти которой посвящена эта элегія, то можно полагать, что 25 числа поэтъ улышалъ о ея смерти. Что же касается второй строчки, то, по мнѣнію многихъ, она должна читаться такъ: „*Услышалъ о смерти Рыльева, Пестеля, Муравьева, Каховскаго, Бестужева 24 іюля*“. Казнь была совершена 13 іюля 1826 года; извѣстіе же объ этомъ убійствѣ могло дойти до Пушкина, въ его псковской деревни, 24 числа.

19 ОКТЯБРЯ.

Стр. 329, ст. 17. Въмѣсто: *Брогліо — Брогльо*.

Иначе въ стихъ не будетъ мѣры.

Стр. 332. Послѣ стиха: „И все прошло: проказы, заблужденья!“ опущено три стиха:

Ты освятилъ тобой избранный санъ;
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

Эти три стиха относятся къ покойному И. И.

Пушину, промѣнявшему службу въ гвардіи на мѣсто судьи въ московскомъ надворномъ судѣ.

Стр. 335. Послѣ стиха: „Ура нашъ царь! Такъ выпьемъ за царя!“ опущено три стиха:

Онъ человекъ, — имъ властвуетъ мгновенье,
Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей;
Но — такъ и быть — простимъ ему гоненье:
Онъ взялъ и проч.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Стр. 339. Послѣ стиха: „Я славилъ твой священный громъ“, опущено 38 стиховъ, которые мы, для ясности, помѣщаемъ въ отрывѣ отрывковъ въ связи съ пятью предъидущими стихами.

Стр. 342, ст. 8. Опущено окончаніе стиха, который въ рукописи читается такъ:

Сихъ палачей *самодержавныхъ*.

ЖИВЪ, ЖИВЪ КУРИЛКА!

Стр. 344. Написано на Каченовскаго.

КТО ЗНАЕТЪ КРАЙ . . .

Стр. 361. Точки, встрѣчающіяся въ этомъ неоконченномъ наброскѣ, поставлены самимъ Пушкинымъ, предпологавшимъ, вѣроятно, замѣнить ихъ въ послѣдствіи стихами.

ЭПИГРАММА.

Стр. 374. Написана на А. Н. Муравьева (автора „Путешествія ко святымъ мѣстамъ“), разбившаго статую Аполлона.

ЭПИТАФІЯ МЛАДЕНЦУ ВОЛК—МУ.

Стр. 375. Написана на смерть сына декабриста князя Серѣя Григорьевича Волконскаго.

НЕ ПОЙ КРАСАВИЦА ПРИ МНѢ.

Стр. 380. Происхожденіе этой піесы слѣдующее: Грибовдовъ, возвратясь изъ Грузіи, сообщилъ одинъ грузинскій мотивъ нашему извѣстному композитору, покойному Глинкѣ, который записалъ его — и съигралъ его пришедшему къ нему Пушкину. Тому такъ понравилась музыка, что онъ тутъ же написалъ къ ней слова.

ПОСЛАНИЕ КЪ ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ.

Стр. 389, ст. 7. Въ концѣ стиха опущено слово:
молился.

ПОДЪЪЗЖАЯ ПОДЪ ИЖОРЫ.

Стр. 390. Относится къ г-жѣ Вульфѣ.

РИѠМА — ЗВУЧНАЯ ПОДРУГА.

Стр. 405, ст. 10. Въсто: *Вѣ дни какъ...
Вѣ дни когда...*

Точки, встрѣчающіяся въ этомъ стихотвореніи, или поставлены самимъ Пушкинымъ, или означаютъ мѣста, которыхъ невозможно было разобрать.

ОТРЫВОКЪ.

Стр. 412, ст. 2. Въсто: *не мугитѣ — не
мутитѣ.*

ЭПИГРАММЫ.

Стр. 430 — 432. Эпиграммы подъ No. 1 и 2 — написаны на Каченовскаго, а подъ No. 3 — на Н. И. Надеждина, какъ равно и слѣдующая за нею притча: „Сапожникъ“ (стр. 432).

СТАНСЫ.

Стр. 435. Это — послание къ митрополиту московскому Филарету, въ отвѣтъ на его передѣлку известной піесы Пушкина: „26 мая 1828 г.“

У ПУШКИНА:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана? и проч.

У ФИЛАРЕТА:

Не напрасно, не случайно
Жизнь судьбою намъ дана! и проч.

ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

Стр. 441. Строка точекъ, поставленная въ концѣ стихотворенія, означаетъ, что оно не окончено авторомъ.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ.

Стихотвореніе это напечатано вполнѣ во II

кн. „Полярной Звѣзды“ на 1856 г. (стр. 17—19), откуда перешло въ „Русскую Библіотеку“ (1858 т. I, стр. 15—18). Въ послѣднемъ изданіи „Соч. Пушкина“ опущены четыре послѣдніе стиха первой строфы и четыре первыхъ стиха второй, вся третья строфа, четыре послѣднихъ стиха шестой строфы и вся седьмая. Означенные пропуски, за исключеніемъ нѣсколькихъ стиховъ, были одобрены въ 1858 году московскою цензурою, для напечатанія ихъ въ „Библиогр. Зап.“, гдѣ они и появились въ томъ же году (№. 11, столб. 348 и 349), а въ 1858 г. были снова запрещены петербургскимъ ценсурнымъ комитетомъ, почему и не могли быть помѣщены въ „Сочиненіяхъ“. Для ясности помѣщаемъ, съ отдѣль отрывковъ, 1, 2, 3, 6 и 7 строфы вполнѣ.

Стр. 466, ст. 1: *ради службы...* Варіантъ:
подъ хоругвью...

Стр. 467, ст. 3. Въмѣсто: *В... Ф....* (т. е. *Видокъ Фиелляринъ*) — *Фаддей Булгаринъ*.

Тамъ же, стихъ 13:

Возросъ усердень, неподкупень...

Варіантъ:

Быль прямиъ, усердень, неподкупень....

Точки въ концѣ стихотворенія слѣдуетъ вычеркнуть, какъ лишнія.

ОСЕНЬ.

Стр. 451, ст. 18. Въмѣсто: „ровныхъ *водѣ*“, слѣдуетъ поставить: „ровныхъ *рѣкѣ*“. Замѣчательно, что эта опечатка, кидаящаяся въ глаза каждому мало-мальски знакомому съ правилами стихосложенія, требующими трехъ риемъ въ октавъ (*вѣкѣ*, *снѣгѣ*, *рѣкѣ*), перешла во все изданія „Сочиненій Пушкина“; и даже не была поставлена на видъ въ дѣльной статьѣ г. Я—на, напечатанной въ „Библиогр. Запискахъ“ 1858 года, по поводу изданія г. Анненкова.

АРІОНЪ.

Стр. 467. Это стихотвореніе имѣетъ отношеніе къ людямъ, замѣшаннымъ въ дѣлъ 14го декабря и съ которыми Пушкинъ былъ, какъ извѣстно, въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ. Поэтъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые уцѣлели отъ тогдашней невзгоды (при восшествіи на престолъ Николая).

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(Въ тревогѣ пестрой и безплодной.)

Стр. 488. Написано фрейлинъ А. О. Россети, выданной, впоследствии, в. к. Михаиломъ Павловичемъ замужъ за Смирнова, нынѣ сенатора.

КОГДАБЪ НЕ СМУТНОЕ ВЛЕЧЕНЬЕ.

Стр. 507. Относится къ А. Олениной.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

Стр. 510. Это посланіе по ошибкѣ отнесено къ 1834 году. На подлинникъ, хранящемся въ семействѣ покойнаго Давыдова, означено: 18 января 1836 г. Спб.

ПОЛКОВОДЕЦЪ.

Стр. 513. Точки, встрѣчающіяся въ этомъ стихотвореніи, поставлены самимъ Пушкинымъ; и потому — это не пропускъ.

КОГДА ВЕЛИКОЕ СВЕРШАЛОСЬ ТОРЖЕСТВО.

Стр. 531. Стихотвореніе это въ рукописныхъ сборникахъ носитъ заглавіе: „Мирская власть“.

Напечатано вполне во II кн. „Полярной Звезды“ на 1856 г. (стр. 21), откуда перепечатано въ „Русской Библиотеки“ (1858, т. I, стр. 21). Въ текстъ, напечатанномъ въ послѣднемъ изд. „Соч. Пушкина“, не достаетъ шести стиховъ. Вотъ они:

Послѣ стиха: „Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?“ опущено два стиха:

Или распятіе казенная поклажа,
И вы боитесь воровъ, или мышей?

Да въ концѣ не достаетъ четырехъ стиховъ:

Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ адамовъ искупила?
Иль, чтобъ непотѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не вѣлно сюда простой народъ?

Стихи написаны потому случаю, что на выставкѣ около картины Брюлова, изображающей распятіе, были поставлены часовые, для предупрежденія тѣсноты отъ толпы.

ИЗЪ VI ПИНДЕМОНТЕ.

Стр. 532, ст. 5. Опущено слово: *царялѣ*, замѣненное точками.

Тамъ же, ст. 15. Опущена вторая половина стиха: *для власти, для ливреи . . .*

19 ОКТЯБРЯ 1836.

Точки, поставленныя въ концѣ этого стихотворенія (стр. 535), означаютъ не пропускъ, а то, что оно не окончено самимъ поэтомъ.

КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

Стр. 551. Относится къ А. М. Колосовой, впоследствии — Каратыгиной.

КЪ МАШѢ.

Стр. 553. Написано около 1816 года къ сестрѣ Дельвига, которой тогда было семь или восемь лѣтъ. Одинъ изъ товарищей положилъ стихи на музыку и они пѣлись тогда во всѣхъ домахъ, гдѣ лицей имѣлъ право гражданства. (Сообщено покойнымъ И. И. Пущинымъ.)

ЭПИГРАММЫ.

Стр. 566 — 568. Эпиграммы эти написаны: II — на Каченовскаго, III („Русскому Геснеру“) — на покойнаго идилика В. И. Папаева, а IV и V — на Булгарина.

Стр. 566, ст. 9: Въмѣсто: *Козерговскій* — *Каченовскій*.

Стр. 567, ст. 10: Въмѣсто: *Авдѣй Флюгаринъ*
— *Оаддей Булеаринъ*.

Тамъ же, ст. 15: Въмѣсто: *Фиелларинъ* — *Бул-
гаринъ*.

К. А. Б * * *

Стр. 572. Мадригалъ написанъ къ К. А. Баку-
ниной.

ЭКСПРОМПТЪ.

Стр. 579, ст. 3: „Черноокая *Россети*“.

КЪ ГР. КОЧУБЕЙ.

Стр. 579. Написано при посылкѣ ей оды: „Воль-
ность“.

Томъ второй.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

Стр. 37. Послѣ стиха: „Дрожить, какъ листъ,
дохнуть не смѣетъ“, опущенъ стихъ:

Хладбють перси, взоръ темнѣеть . . .

Опущеніе этого стиха было указано въ „Библиогр. Зап.“ (1858, No. 11, столб. 350); къ сожалѣнію, г. Геннади не воспользовался этимъ указаніемъ — и не помѣстилъ стиха ни въ текстъ, ни въ примѣчаніи, ни въ приложеніи. То же самое можно сказать и о другомъ стихѣ, изъ III пѣсни (см. стр. 55):

О, витязь! ты хранимъ судьбою!

слѣдующимъ за стихомъ: „Тобой сегодня взятый мечъ“. Оба эти стиха очевидно опущены, при первомъ изданіи поэмы, по недосмотру корректора, а въ послѣдующихъ по небрежности издателей.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

Стр. 318. Послѣ стиха: „На высотъ, уздой желъзной“, опущенъ стихъ:

Россію вздернулъ на дыбы?

Тамъ же, ст. 22. Опущено начало стиха. Въ рукописи онъ читается такъ:

„Ужо тебѣ!“ И вдругъ стремглавъ . . .

СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ ПѢТУШКѢ.

Стр. 396. Послѣ стиха: „И кричить: кири-ку-ку!“ опущенъ стихъ:

Царствуй, лежа на боку!

Стр. 401. Въ концѣ недостаетъ двухъ стиховъ:

Сказка — ложь, да въ ней намѣкъ:
Добрымъ мѣлодцамъ урокъ.

Подлинная рукопись названной сказки, съ рисункомъ чернилами, сдѣланнымъ самимъ авторомъ, находится въ Императорской Публичной Библиотекѣ, гдѣ лежитъ на виду въ залѣ No. II, во второй же витринѣ на право отъ входа.

НАЧАЛО СКАЗКИ.

Подъ этимъ названіемъ напечатаны въ послѣднемъ изд. „Соч. Пушкина“ (стр. 439) первые 22 стиха известной простонародной сказки Пушкина: „Царь Никита“, явившіеся въ первый разъ въ „Библиогр. Зап.“ (1859, No. 4, столб. 107). Слѣдующіе за тѣмъ 53 стиха (отъ стиха: „Какъ бы это пояснить?“ до стиха: „Провинись жена моя!“), вмѣстѣ съ предъидущими, были напечатаны въ „Русской Библиотекѣ“ (1858, т. I, стр. 29—32),

но крайне небрежно и безграмотно, какъ и всѣ остальные стихотворенія, вошедшія въ составъ помянутаго сборника. Кромѣ этихъ 75 стиховъ, принадлежащихъ Пушкину несомнѣнно (начало рукописи сохранилось), въ нѣкоторыхъ сборникахъ попадаетъ и конецъ сказки, возстановленный къмѣто на память, причемъ, конечно, только немногіе стихи Пушкина уцѣляли во всей первобытной своей чистотѣ: все остальное, очевидно, присочинено самимъ возстановителемъ текста, и передаетъ одно игривое содержаніе сказки, не передавая ея поэтическихъ красотъ. Чтобы познакомить нашихъ читателей хотя съ содержаніемъ этого произведенія прихотливой музы Пушкина, мы помѣщаемъ здѣсь помянутый отрывокъ, въ которомъ, среди наноснаго сора, попадаютъ чисто-пушкинскіе стихи, горящіе подобно алмазу среди навозной кучи. Вотъ этотъ конецъ:

(Видно сердцемъ были гнѣвны).

Подросли мои царевны.

Жаль ихъ стало. Царь — въ советъ;

Изложилъ тамъ свой предметъ:

Такъ и такъ — довольно ясно,

Тихо, шопотомъ, негласно,

Осторожныѣ отъ слугъ.

Приздумались бояры,

Какъ лечить такой недугъ.

Вотъ одинъ совѣтникъ старый
Поклоился всѣмъ — и вдругъ
Въ лысый лобъ рукою брякнулъ
И царю онъ такъ вавакнулъ:
„О, премудрый государь!
„Не взыщи мою ты дерзость,
„Если про плотскую мерзость
„Расскажу, что было встарь.
„Мнѣ была знакома сводня
„(Гдѣ она? и чѣмъ сегодня? —
„Вѣрно тѣмъ же, чѣмъ была.)
„Баба вѣдьмою слыла,
„Всѣмъ недугамъ пособляла,
„Немощь членовъ исцѣляла.
„Вотъ ее бы отыскать!
„Вѣдьма дѣло все поправить:
„Что тамъ надо — то и вставить.“
— Такъ за ней сейчасъ послать! —
Возражаетъ царь Никита,
Брови сдвинувши сердито:
— Тотчасъ вѣдьму отыскать!
Если жъ насъ она обманетъ,
Чего надо не достанетъ,
На бобахъ насъ проведетъ,
Или съ умысломъ солжетъ, —
Будь я шельма и бездѣльникъ,
Если въ чистый понедѣльникъ

Сжечь колдунью не велю:
И тьмъ небо умолю. —
Вотъ секретно, осторожно
По курьерской подорожной
И во всю земли концы
Были посланы гонцы.
Они скачуть, всюду рыщуть
И царю колдунью ищуть.
Годъ проходить и другой —
Нѣту вѣсти никакой.
Наконецъ одинъ ретивый
Вдругъ попалъ на слѣдъ счастливый.
Онъ захвалъ въ страшный лѣсъ
(Точно ввелъ его самъ бѣсъ),
Видитъ тамъ — стоитъ избушка;
Вѣдьма въ ней живетъ старушка.
Какъ онъ былъ царевъ посоль,
Такъ къ ней прямо и зашелъ,
Поклонился вѣдьмѣ смѣло,
Объяснилъ ей въ чемъ все дѣло —
Какъ царевны рождены
И чего все лишены.
Вѣдьма тотчасъ все смекнула...
Въ дверь гонца она толкнула,
Такъ примолвивъ: „Уходи
„Поскорѣй и безъ оглядки,
„Не то — бойся лихорадки...”

„Черезъ три дня приходи
„За посылкой и отвѣтомъ,
„Только помни — чуръ — съ разсвѣтомъ“.
Послѣ вѣдьма заперлась,
Уголечкомъ запаслась,
Трое сутокъ ворожила,
Такъ что бѣса приманила.
Чтобъ отправить во дворецъ,
Самъ принесъ онъ ей ларецъ
Полный грѣшными вещами,
Обожаемыми нами.
Ихъ тамъ было всѣхъ сортовъ,
Всѣхъ размѣровъ, всѣхъ цвѣтовъ,
Все отборныя, съ кудрями....
Вѣдьма всѣ перебрала,
Сорокъ лучшихъ оточла,
Ихъ въ салфетку завернула
И подъ ключъ въ ларецъ замкнула;
Съ нимъ отправила гонца,
Давъ на путь серебреца.
Ѣдетъ онъ. Заря зардѣлась....
Роздыхъ сдѣлать захотѣлось,
Захотѣлось закусить,
Жажду водкой утолить:
Онъ былъ малый акуратный,
Всѣмъ запасся въ путь обратный.
Вотъ коня онъ разнуздаль

И покойно кушать сталъ.
Конь пасется. Самъ мечтаетъ,
Какъ его царь вознесетъ,
Графомъ, княземъ назоветъ.
Что же ларчикъ заключаетъ?
Что царю въ немъ вѣдма шлетъ?
Въ щелку смотреть: нѣтъ, не видно —
Запертъ плотно. Какъ обидно!
Любопытство страхъ беретъ
И всего его тревожитъ.
Ухо онъ къ замку приложить —
Ничего не чувствуетъ слухъ;
Къ носу — да, знакомый духъ....
Тѣфу ты пропасть! что за чудо?
Посмотрѣть бы мнѣ не худо!
И не вытерпѣлъ гонецъ....
Но лишь отперъ онъ ларецъ,
Птички — порхъ и улетѣли,
На сучкахъ прямыхъ засѣли
И хвостами завертѣли.
Ну онъ плакать, ну ихъ звать,
Сухарями ихъ прельщать:
Крошки сыплетъ — все напрасно
(Видно кормятся не тѣмъ):
На сучечкахъ имъ прекрасно,
А въ ларцѣ сидѣть зачѣмъ?
Вотъ тащится вдоль дороги,

Вся согнувшисья дугой,
Баба старая съ клюкой.
Напъ гонецъ ей бухнулъ въ ноги:
„Пропаду я съ головой!
„Помоги! будь мать родная!
„Посмотри — бѣда какая:
„Не могу ихъ изловить!
„Какъ же горю пособить?“
Вверхъ старуха посмотрѣла,
Плюнула и прошипѣла:
— Поступилъ ты хоть и скверно,
Но не плачься, не тужи....
Ты имъ только покажи —
Сами всѣ слетятъ навѣрно. —
„Ну, спасибо!“ онъ сказалъ....
И лишь только показалъ —
Птички вмигъ къ нему слетѣли.
И квартирой овладѣли.
Чтобъ бѣды не знать другой,
Онъ, безъ дальнихъ отговорокъ,
Тотчасъ ихъ подъ ключъ всѣ сорокъ
И отправился домой.
Какъ княжны ихъ получили
Прямо въ кѣтки посадили.
Царь на радости такой
Задалъ тотчасъ пиръ горой:
Семь дней сряду пировали,

Цѣлый мѣсяць отдыхали;
Царь совѣтъ весь наградилъ,
Да и вѣдьму не забылъ:
Изъ кунсткамеры въ подарокъ
Посланъ ей въ спирту огарокъ
(Тотъ, который всѣхъ дивилъ),
Двѣ ехидны, два скелета
Изъ того же кабинета . . .
Награжденъ былъ и гонецъ.
Вотъ и сказочки конецъ.

Томъ третій.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

- Стр. 12, ст. 6. „Что тамъ ужъ ждетъ его *Каверинъ*.”
- Стр. 128, примѣч. ст. 11. „Передъ *Истоминой* моею.”
- Стр. 231. Послѣ стиха: „Одними ль звуками
пѣть“, слѣдуетъ отступить на строку, такъ какъ
съ этого мѣста начинается новая строфа. Что

же касается двухъ строчекъ точекъ, поставленныхъ на этой страницѣ, то ихъ слѣдуетъ уничтожить, такъ-какъ тутъ нѣтъ пропуска.

Между отрывками изъ „Онѣгина“ („Соч. Пушкина“, т. III, стр. 225—232 и „Приложенія къ соч. Пушкина“, стр. 53—69) мы не находимъ одного, напечатаннаго въ изд. г. Анненкова (т. VII, стр. 74 и 75). Вотъ онъ :

Но ты губернія Псковская,
Теплица юныхъ дней моихъ,
Что можетъ быть, страна святая,
Несносный барышень твоихъ?

.
.
.

Но, уважая русскій духъ,
Простилъ бы имъ ихъ сплетни, чванство,
Фамильныхъ шутокъ острогу,
Пороки, зубъ нечистоту
И неопрятность и жеманство,
Но какъ простить имъ модный бредъ
И неуклюжий этикетъ?

Этотъ отрывокъ слѣдуетъ къ XVII строфѣ 3-ей главы.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

Стр. 344. Послѣ стиха: „Да грузъ богатый шоколата“, опущено два стиха:

Да модная болѣзнь: она
Недавно къ намъ занесена.

Томъ пятый.

НОВЫЯ ВЫХОДКИ.

Стр. 165. Последнія двѣ строки въ рукописи читаются такъ: „... приуготовили крикъ: „аристократовъ къ фонарю!“ и ни чуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: „Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ!“ Avis au lecteur.“

ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ, ИЛИ ОПРАВДА- ННЫЙ А. А. ОРЛОВЪ.

Стр. 166 — 174. Встрѣчающіяся въ этой статьѣ буквы: Н. И. Г. и Ѳ. В. Б. означаютъ: Нико-

лай *Ивановиѣ Грегъ* и *Фаддей Венедикто-
виѣ Булгаринѣ*.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МИЗИНЦѢ Г. Б. И О ПРОЧЕМЪ.

Стр. 175—180. Здѣсь рѣчь идетъ о *Булга-
ринѣ*, и потому, встрѣчающіяся въ этой статьѣ
буквы г. Б. и. г. Г. — должны читаться: госпо-
динъ *Булгаринѣ*, господинъ *Грегъ*. На стр.
176 буквы П. В. С. — означаютъ: *Полевой*,
Войковѣ, *Сомовѣ* (*Орестѣ*). На стр. 177
буква П. также означаетъ: *Полевой*.

МЫСЛИ ВЪ ДОРОГѢ.

Стр. 397. Послѣ словъ: „... если бѣ менѣе
объ нихъ заботились“, пропущено: „губерна-
торы“.

Стр. 414, строка 14. Вмѣсто: *вралю*, въ ру-
кописи стоитъ: *бестыи*.

Томъ Шестой.

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

„Исторія пугачевского бунта“ напечатана почти безъ измѣненій и этимъ, нѣтъ сомнѣнiя, она обязана ценсурѣ Николая Павловича. Онъ читалъ ее весьма внимательно. Въ одномъ мѣстѣ, послѣ разсказа о взятiи княземъ Голлицынымъ крѣпости Татищевой и совершенномъ тамъ пораженiи Пугачева, Пушкинъ разсказываетъ, что въ пору весенней оттепели тѣла убитыхъ подъ Татищевой плыли по Яику и были узнаваемы женами и матерями убитыхъ. Въ то же время старая казачка, мать Стѣпки Разина, безпрестанно останавливала костьюлемъ плывшiе трупы, и не узнавая своего Степушки, снова отталкивала ихъ отъ берега. Николай написалъ карандашемъ на полѣ: „Лучше выпустить, ибо связи нѣтъ съ дѣломъ.“ Пушкинъ отнесъ разсказъ въ примѣчанiе, но скрылъ имя козачки (См. стр. 153, прим. 17 къ V главѣ). Въ двухъ другихъ мѣстахъ государь поставилъ по вопросительному знаку передъ двумя прилагательными: „Такъ бѣдный колодникъ, за годъ тому

бывавшій изъ Казани, отпраздновалъ свое возвращеніе“ (см. стр. 93); „Суворовъ съ любопытствомъ спрашивалъ *славнаго* мятежника о его военныхъ дѣйствіяхъ“ (см. стр. 110). Бѣдный и славный переименованы на *темный* и *плѣнный*. Стоитъ упомянуть, что одна изъ главъ вложена была въ листъ бумаги, на которомъ были написаны имена, прѣвзжавшихъ къ Пушкину съ визитомъ: „Креницины Петръ и Александръ“. Какъ бы негодую на подобное небреженіе при представленіи рукописи, Николай Повловичъ подчеркнул ихъ и подписалъ: „Что такое?“

Одна изъ самыхъ любопытныхъ частей „Исторіи“ — это секретныя примѣчанія къ ней, разумѣется, не попавшія въ печать. Онѣ даже не были отдѣланы Пушкинымъ. Вотъ онѣ:

1. Къ стр. 17. „Пугачевъ былъ уже пятый самозванецъ, принявшій на себя имя императора Петра III. Не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, что будто государь живъ и находится въ заключеніи. Самъ великій князь Павелъ Петровичъ долго вѣрилъ (или желалъ вѣрить) сему слуху. По восшествіи на престоль, первый вопросъ Павла Петровича графу Гудовичу былъ: „Живъ ли мой отецъ?“

2. Къ той же стр. „Пугачевъ говорилъ, что сама императрица помогла ему скрыться“.

3. Къ стр. 18. „Первое возмутительное воззваніе Пугачева къ яицкимъ козакамъ есть удивительный образецъ народнаго краснорѣчія, не смотря на грамматическія ошибки. Оно тѣмъ болѣе подѣйствовало на умы, что объявленія (или публикаціи) Рейнсдорфа были писаны столь же вяло, какъ и правильно, длинными фразами, съ глаголами на концѣ.“

4. Къ стр. 28. „Сей Нащекинъ былъ тотъ самый, который далъ пощечину Суворову. (Послѣ того Суворовъ, увидя его, всегда прятался и говорилъ: „Боюсь, боюсь! онъ дерется.“ Суворовъ на своемъ вѣку получилъ двѣ пощечины). Нащекинъ былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей того времени. (Сынъ его написалъ его записки: отроду не читывалъ я ничего забавнаго). Государь Павелъ Петровичъ любилъ его и при восшествіи на престолъ звалъ его въ службу. Нащекинъ отвѣчалъ государю: „Вы горячи, и я горячъ: служба въ прокъ мнѣ не пойдетъ.“ Государь засмѣялся и пожаловалъ ему деревню въ Костромской губерніи, куда онъ и удалился. Онъ былъ крестникомъ императрицы Елисаветы и умеръ въ 1809 г.“

5. Къ стр. 42. „Придворныя отношенія А. И. Бибикова чрезвычайно любопытны. Это одинъ изъ благороднѣйшихъ характеровъ того времени. Императрица уважала его и увѣрена была въ его

усердіи, но никогда его не любила. Въ началъ ея царствованія былъ онъ посланъ въ Шлюссельбургъ для переговоровъ съ несчастнымъ семействомъ несчастнаго Іоанна Антоновича. Бибиковъ возвратился влюбленный безъ памяти въ принцессу Екатерину, что весьма не понравилось государынѣ. Свобода его мыслей и всегдашняя его оппозиція были извѣстны. Его подозрѣвали благопріятствующимъ той партіи, которая будто бы желала возвести на престолъ государя великаго князя. Существовала ли такая партія, или нѣтъ — другой вопросъ. Но симъ призракомъ безпрестанно смущали воображеніе государыни, и тѣмъ отравляли сношенія между матерью и сыномъ, котораго раздражали и ожесточали напрасныя подозрѣнія, ежедневныя мелочныя досады и наглая дерзость временщиковъ. Бибиковъ не разъ бывалъ посредникомъ между императрицей и великимъ княземъ. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ. Великій кн., разговаривая однажды о военныхъ движеніяхъ, подозвалъ полковника В. И. Бибикова (брата Александра Ильича) и спросилъ: во сколько времени полкъ его, въ случаѣ тревоги, можетъ поспѣть въ Гатчину? На другой день Александръ Ильичъ узнаетъ, что о вопросъ великаго князя донесено, и что у брата его отнимаютъ полкъ. Александръ Ильичъ, распросивъ брата, бросился къ императрицѣ и объяснилъ ей, что

слова великаго князя были не что иное, какъ военное сужденіе, а не заговоръ. Государыня успокоилась, но сказала: „Скажи брату своему, что полкъ его, въ случаѣ тревоги, долженъ идти въ Петербургъ, а не въ Гатчину“.

6. Къ стр. 57. „Уральскіе козаки, большею частью раскольники (особливо старые люди), до нынѣ привязаны къ памяти Пугачева. „Грѣхъ сказать“, говорила мнѣ 80 лѣтняя козачка: „на него мы не жалуемся; онъ намъ зла не сдѣлалъ!“ — Расскажи мнѣ, говорилъ я Дмитрію Пьянову, — какъ Пугачевъ былъ посаженнымъ отцемъ на твоей свадьбѣ? — „Онъ для тебя Пугачевъ“, отвѣчалъ мнѣ старикъ, разсердясь: „а для меня онъ былъ великій государь Петръ Ѳедоровичъ“. Когда я упоминалъ о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: „Не его воля была; наши пьяницы его мutilи.“

7. Къ стр. 65. „Князь Голицынъ, нанесшій первый ударъ Пугачеву, былъ молодой человекъ и красавецъ. Императрица замѣтила его въ Москвѣ на придворномъ балѣ (въ 1775 г.) и сказала о немъ: „Какъ онъ хорошъ! настоящая куколка!“ Это слово было гибельно для Голицына. Шепелевъ (впослѣдствіи времени женатый на одной изъ племянницъ князя Потемкина) вызвалъ Голицына

на поединокъ и закололъ, сказываютъ, измѣнически. Молва обвинила Поѣтемкина“.

8. Къ стр. 95. „Кто были сіи смышленные сообщники, руководившіе дѣйствіями самозванца? Перфильевъ? Шигаевъ? Это должно явствовать изъ процесса Пугачева, но, къ сожалѣнію, я его не читалъ, не смѣвъ распечатать безъ высочайшаго на то соизволенія“.

9. Къ стр. 115. „Весь чернѣй народъ былъ за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, — не только попы и монахи, но и архимандриты и архіереи. Одно дворянство было открытымъ образомъ на сторонѣ правительства. Пугачевъ и его сообщники хотѣли сперва и дворянъ склонить на свою сторону, но. выгоды ихъ были слишкомъ противоположны. (NB. Классъ приказныхъ и чиновниковъ былъ еще малочисленъ и рѣшительно принадлежалъ простому народу. То же можно сказать и о выслужившихся изъ солдатъ офицерахъ. Множество изъ сихъ послѣднихъ было въ шайкахъ Пугачева. Шванвичъ одинъ былъ изъ хорошихъ дворянъ).

Всѣ *кѣмцы*, находившіеся въ среднихъ чинахъ, сдѣлали честно свое дѣло: Михельсонъ, Муфель, Меллинъ, Дидъ, Деморанъ, Дуве и пр. Но всѣ тѣ,

которые были въ бригадирскихъ и генеральскихъ — дѣйствовали слабо, робко, безъ усердія: Рейндорфъ, Брантъ, Каръ, Фрейманъ, Корфъ, Велленштернъ, Билловъ, Декалонгъ и другіе.“

10. Къ стр. 158, прим. I. „Молодой Пулавскій былъ въ связи съ женою стараго казанскаго губернатора“.

Всѣ эти 10 примѣчаній (за исключеніемъ 7-го, который здѣсь является въ первый разъ) были напечатаны въ VI кн. „Полярной Звѣзды“ на 1861 годъ (стр. 128—131).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ ПУШКИНА.

КЪ КАВЕРИНУ.

Стр. 30, ст. 9: вмѣсто *мезтѣ*, слѣдуетъ поста-
ставить: *веснѣ*.

Тамъ же, ст. 12: *труда*. Варіантъ: *стыда*.

Стр. 31, ст. 5: *Простились мы на вѣкъ*....

Варіантъ: *Простимся на всегда*....

Тамъ же, ст. 8: *посѣтимъ съ* поклономъ....

Варіантъ: *удивимъ* поклономъ....

Тамъ же, послѣ стиха: „Молись и Вакху и люб-
ви“, пропущенъ стихъ:

Минуту юности лови . . .

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

Стр. 58 (отд. II), ст. 2. Опущено въ концѣ сти-
ха слово: *обѣденъ*.

Тамъ же, послѣ стиха: „Дремалъ усталый бан-
комѣтъ“, пропущенъ стихъ:

А я все бодръ и блѣденъ . . .

Хотя въ приведенномъ нами стихъ и недостаетъ одной стопы, тѣмъ не менѣе его не слѣдовало пропускать послѣдному изданію, когда онъ былъ однажды напечатанъ г. Анненковымъ.

ЗАПИСКИ ПУШКИНА.

Въ дополненіяхъ къ этимъ запискамъ, помѣщеннымъ въ „Приложеніяхъ къ Соч. Пушкина“, есть пропуски, которые мы дополняемъ:

Стр. 88. „НВ. Дуровъ, братъ той Дуровой“
и т. д.

Стр. 89. Вездѣ, вмѣсто * * *, читай: *Дуровъ*,
а вмѣсто *въ Я . . . еѣ*, *въ Ямбургѣ*.

Стр. 90. „Утро провелъ съ Пестелемъ“ и т. д.

Стр. 91. Въ началѣ фразы: „ . . . наследники Сѣвернаго Исполина“, пропущенъ эпитетъ: *низтожные*.

Далѣе, на той же страницѣ, послѣ словъ: „ . . . азіатское невѣжество обитало при дворѣ“, слѣдуетъ большой пропускъ:

„Петръ I не страшился народной свободы, неминуемаго дѣйствія просвѣщенія, ибо доверялъ

своему могуществу и презиралъ челоѣчество, можетъ быть, болѣе, чѣмъ Наполеонъ. Все дрожало, все безмолвно повиновалось. Аристократія послѣ него неоднократно замышляла ограничить самовластіе; къ счастью хитрость государей торжествовала надъ честолюбіемъ вельможъ и образъ правленія остался неприкосновеннымъ. Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма, и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ сущестованія дворянъ. Если бы гордые замыслы Долгорукихъ и прочихъ осуществились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили бы или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостнаго состоянія, ограничили бы число дворянъ и заградили бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; нынѣ же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ: желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противу общаго зла, и твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы. Памятниками неудачнаго бореія аристократіи съ деспотизмомъ остались только два указа Петра III *о вольности дворянъ*, указы, коими

предки наши столько гордились и коихъ справедливые должны были бы стыдиться.

„Царствованіе Екатерины II имѣло новое и сильное вліяніе на политическое и нравственное состояніе Россіи. Возведенная на престолъ заговоромъ нѣсколькихъ мятежниковъ, она обогатила ихъ на счетъ народа и унизила безпокойное наше дворянство. Если царствовать значить знать слабость души человѣческой и ею пользоваться, то въ семь отношеніи Екатерина заслуживаетъ удивленіе потомства. Ея великолѣпіе — ослѣпляло, привѣтливость — привлекала, щедроты — привязывали. Самое сластолюбіе (сладострастіе?) сей хитрой женщины утверждало ея владычество. Производя слабый ропотъ въ народъ, привыкшемъ уважать пороки своихъ властителей, она возбуждала гнусное соревнованіе въ высшихъ сословіяхъ; ибо не нужно было ни ума, ни заслугъ, ни талантовъ для достиженія втораго мѣста въ государствѣ. Много было званыхъ и много избранныхъ, но въ длинномъ спискѣ ея любовниковъ имя страшнаго Потемкина будетъ отмѣчено рукою исторіи. Онъ раздѣлилъ съ Екатериной часть воинской ея славы, ибо ему обязаны мы Чернымъ моремъ и блестящими, хотя и безплодными, побѣдами въ свверной Турціи.

„Униженная Швеція и униженная Польша — вотъ великія права Екатерины на благодарность русскаго народа. Но современемъ исторія оцѣнитъ вліяніе ея царствованія на нравы, откроетъ жестокою дѣятельность ея деспотизма подъ личиною кротости и терпимости: народъ угнетенный намѣстниками, казну расхищенную любовниками, покажетъ важныя ошибки ея въ политической экономіи, ничтожность въ законодательствѣ, фиглярство въ сношеніяхъ съ философами ея столѣтія — и тогда голосъ обольщеннаго Вольтера не избавитъ ея славной памяти отъ проклятія Россіи.

„Мы видѣли, какимъ образомъ Екатерина унизила духъ дворянства. Въ этомъ дѣлѣ ревностно помогали ей любимцы. Стоитъ напомнить о пощечинахъ“ и т. д., какъ въ печатномъ (см. стр. 92 и 93). Затѣмъ опять пропускъ:

„Екатерина знала плутни и грабежи своихъ любовниковъ, но молчала. Ободренные таковою слабостью, они не знали мѣры“ и т. д. (см. стр. 93). Тутъ снова пропускъ, послѣ словъ: „... все было продажно“. Именно: „Такимъ образомъ развратная государыня развратила и свое государство.

„Екатерина уничтожила званіе рабства и раздарила около миліона государственныхъ крестьянъ и закрѣпила вольную Малороссію и польскія про-

винці. Екатерина уничтожила пытку, а Тайная Канцелярія процвѣтала подъ ея патріархальнымъ правленіемъ. Екатерина любила просвѣщеніе, а Новиковъ, рѣспространявшій первые лучи его, перешолъ изъ рукъ Шишковскаго въ темницу, гдѣ и находился до самой ея смерти. Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь, Княжнинъ умеръ подъ розгами и Фонвизинъ, котораго она боялась, не избѣжалъ бы той же участи, если бы не чрезвычайная его извѣстность.

„Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тѣмъ неограниченному своему властолюбію и угождая духу времени. Но лишивъ его независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла сильный ударъ просвѣщенію народному. Семинаріи“ и т. д., какъ въ печатномъ. (См. стр. 93 и 94.) Только послѣ словъ: „Отъ сего происходитъ въ нашемъ народѣ“ — пропущено: „презрѣніе къ попамъ“. Да черезъ четыре строчки опущено слово: „церковнаго“, замѣненное точками. Затѣмъ, на стр. 94, послѣ словъ: „... слѣдственно и просвѣщеніемъ“ — слѣдуетъ новый пропускъ: „Екатерина знала все это и имѣла свои виды.

„Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмѣрными похвалами: очень есте-

ственно; они знали ее только по перепискѣ съ Вольтеромъ и по рассказамъ тѣхъ, коимъ она позволила путешествовать.

„Фарса нашихъ депутатовъ, столь непристойно разыгранная, имѣла въ Европѣ свое дѣйствіе: „Наказъ“ ея читали вездѣ и на всѣхъ языкахъ. Довольно было, чтобы поставить ее на ряду съ Титами и Троянами; но перечитывая сей лицемѣрный „Наказъ“, нельзя воздержаться отъ праведнаго негодованія. Простительно было фернейскому философу превозносить добродѣтели Тартюфа въ юбку и коронѣ: онъ не зналъ, онъ не могъ знать истины; но подлость русскихъ писателей для меня не понятна.

„Царствованіе Павла доказываетъ одно, что и въ просвѣщенные времена могутъ родиться Калигулы. Русскіе защитники въ томъ не согласны и принимаютъ славную шутку г-жи Сталь за основаніе нашей конституціи: *En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation*, тоестъ: правленіе въ Россіи есть самовластіе, ограниченное удавкой“.

Этотъ отрывокъ написанъ Пушкинымъ въ Кишеневѣ въ 1821 году и сохранился въ сборникѣ Н. С. Алексѣева.

Стр. 94. „Да, отвѣчала она, ихъ нынче отвозятъ назадъ. Я вышелъ взглянуть на нихъ.

Одинъ изъ арестантовъ стоялъ“ и т. д., какъ въ печатномъ. Далѣе черезъ пять строчекъ: „.... я повернулся къ нимъ спиною, подумавъ, что онъ былъ потребованъ въ Петербургъ для допросовъ или объясненій. Увидавъ меня, онъ съ живостью на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись другъ къ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегерь взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слушалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ тележку и усаkali.

„Я поѣхалъ въ свою сторону. На слѣдующей станціи узналъ я, что ихъ везутъ изъ Шлюссельбурга, но куда?“

Отрывокъ этотъ написанъ Пушкинымъ въ Лугѣ на клочкѣ бумаги.

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, товарищъ Пушкина по лицу, былъ приговоренъ, за 14 декабря, къ каторжной работѣ на 20 лѣтъ. Задержанный въ Варшавѣ унтеръ-офицеромъ Григорьевымъ, онъ содержался въ Шлюссельбургской крѣпости, откуда, по высочайшему повелѣнію, отправленъ 12 октября 1827 года въ Динабургскую крѣпость и зачисленъ въ ротъ срочныхъ арестантовъ. 10 апрѣля 1831 г. переведенъ въ Ревель,

а 25 апрѣля — въ Свеаборгскую крѣпость. Пробывъ здѣсь почти четыре съ половиною года, онъ былъ отправленъ, 14 декабря 1835 г., въ Баргузинъ (Верхнеудинскаго округа, въ Сибири), въ сентябрь 1839 г. переведенъ въ Акшинскую крѣпость, а въ июль 1844 г. въ Смоленскую слободу (Курганскаго уѣз. Тобольской губ.), гдѣ и умеръ 11 августа 1846 года.

Намъ удалось достать весьма интересное доносеніе фельдъегеря о вышеприведенномъ свиданіи Пушкина съ Кюхельбекеромъ, которое и помѣщаемъ здѣсь цѣликомъ:

Господину дежурному генералу главнаго штаба е. и. в. генералъ-адъютанту и кавалеру Потапову,

Фельдъегеря Подгорнаго
Рапортъ.

Отправленъ я былъ сего мѣсяца 12 числа въ г. Динабургъ съ государственными преступниками, и на пути пріѣхавъ на станцію Залазы, вдругъ бросился къ преступнику Кюхельбекеру, вѣхавшій изъ Новоржева въ С. Петербургъ, нѣкто г. Пушкинъ, началъ послѣ поцалуевъ съ нимъ разговаривать. Я, видя сіе, найпоспѣшнѣйше отправилъ какъ перваго, такъ и тѣхъ двухъ за полверсты отъ станціи, дабы не дать имъ разговаривать; а самъ остался для написанія подорожной и заплаты прогоновъ. Но г.

Пушкинъ просилъ меня дать Кюхельбекеру денегъ; я въ семь ему отказалъ. Тогда онъ, г. Пушкинъ, кричалъ и, угрожая мнѣ, говорилъ, что: по прибытіи въ Петербургъ въ ту же минуту доложу его императорскому величеству, какъ за недопущеніе распроститься съ другомъ, такъ и дать ему на дорогу денегъ; сверхъ того не премину также сказать и генералъ-адъютанту Бенкендорфу. Самъ же г. Пушкинъ между прочими угрозами объявилъ мнѣ, что онъ посаженъ былъ въ крѣпость и потомъ выпущенъ, почему я еще болѣе препятствовалъ имѣть ему сношеніе съ арестантомъ; а преступникъ Кюхельбекеръ мнѣ сказалъ: это тотъ Пушкинъ, который сочиняетъ.

28 октября, 1827 г.

Просимъ не заподозрить насъ въ безграмотной передачѣ приведеннаго рапорта. Онъ снятъ съ дипломатическою точностью съ подлинника.

Стр. 95. „26 іюля (1831). Вчера государь императоръ отправился въ Военныя Поселенія (въ Новгородской губерніи), для усмиренія возникшихъ тамъ безпокойствъ. Нѣсколько офицеровъ и лекарей убито бунтовщиками. Ихъ депутаты пришли въ Ижору съ повинною головою и съ роспискою одного изъ офицеровъ, котораго передъ смертію принудили бунтовщики письменно

показать, будто бы онъ и лекаръ отравляли люд' й.

„Государь говорилъ съ депутатами мятежниковъ, послалъ ихъ назадъ, приказалъ во всемъ слушаться гр. Орлова, посланнаго въ Поселенія при первомъ извѣстїи о бунтѣ и обѣщалъ самъ къ нимъ прїѣхать. „Тогда я васъ прощу“, сказалъ онъ имъ. Кажется все усмирено, а ежели нѣтъ еще, то все усмирится присутствїемъ государя.

„Однако жъ сіе рѣшительное средство, какъ послѣднее, не должно быть еще употребляемо. Народъ не долженъ привыкать къ царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. Расправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади, и царскій голосъ не долженъ угрожать ни картечью, ни кнутомъ. Царю не должно сближаться лично съ народомъ. Чернь перестанетъ скоро бояться таинственной власти и начнетъ тщеславиться своими сношенїями съ государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленїя его, какъ необходимаго обряда. Донинѣ государь, обладающій даромъ слова, говорилъ одинъ, но можетъ найтись въ толпѣ голосъ для возраженїя. Таковыя разговоры неприличны, а пренїя площадныя превращаются тотчасъ въ ревъ и вой голоднаго звѣря. Россїя имѣетъ 12,000 верстъ въ

ширину. Государь не может явиться вездѣ, гдѣ можетъ вспыхнуть мятежь.“

Стр. 96. „На дняхъ скончался въ Петербургѣ фонтъ-Фокъ, начальникъ III отдѣленія государственной канцеляріи (тайной полиціи), человекъ добрый, честный и твердый. Государь сказалъ: „J'ai perdu Fock: je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer“. Вопросъ: кто будетъ на его мѣствѣ? важнѣе другаго вопроса: что сдѣлаемъ съ Польшей?

„29 юля (1831). Третьяго дня государыня родила в. кн. Николая. Наканунъ она позволила фрейлинѣ *Россети* выйти за *Смирнова*. Государь пріѣхалъ передъ самыми родами императрицы. Бунтъ въ новгородскихъ колоніяхъ усмиренъ его присутствіемъ. Нѣсколько генераловъ, полковниковъ и почти всѣ офицеры полковъ Аракчеевскаго и короля Прусскаго перерезаны. Мятежники имѣли списки мнимыхъ отравителей, т. е. начальниковъ и врачей. Генерала они засѣкли на плащѣ. Надъ нѣкоторыми жертвами убійцы ругались. Посадивъ на стулъ одного майора, они подходили къ нему съ шутками: „Ваше высокоблагородіе, что это вы такъ поблѣднѣли? Вы сами не свои. Вы такъ смиренны“ — и съ этимъ словомъ били его по лицу. Врачей убито 15 человекъ. Одинъ изъ нихъ спасенъ больными, лежавшими въ лазаретъ

Этотъ лекаръ находился 12 лѣтъ въ колоніи, былъ отменно любимъ солдатами за его усердіе и добродушіе. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотѣли однако же его зарѣзать, ибо и онъ стоялъ въ спискѣ жертвъ. Больные вытребовали его изъ подъ караула. Мятежники хотѣли было ѣхать къ Аракчееву въ Грузино, чтобы убить его, а домъ разграбить. 30 троекъ были уже готовы. Жандармскій офицеръ, взявшій надъ ними власть, успѣлъ уговорить ихъ оставить это намѣреніе. Онъ было спасъ и офицеровъ полка Пруссаго короля, уговоривъ мятежниковъ содержать несчастныхъ подъ арестомъ, но послѣ его отъѣзда убійства совершились. Государь обвдалъ въ Аракчеевскомъ полку. Солдаты встрѣтили его съ хлѣбомъ и медомъ. Арендъ, находившійся при немъ, сказалъ имъ съ негодованіемъ: „Вамъ бы должно вынести кутью.“ Государь собралъ полкъ въ манежъ, приказалъ попу читать молитвы, приложился и обратился къ мятежникамъ. Онъ ругалъ ихъ, объявилъ, что не можетъ ихъ простить и требовалъ, чтобы они выдали ему зачинщиковъ. Полкъ общался. Свидѣтели съ восторгомъ и изумленіемъ говорятъ о мужествѣ и силѣ духа императора. Восемь полковъ, возмущившихся въ Старой Русѣ, получили повелѣніе идти въ Гатчину“.

Стр. 97. Послѣ словъ: „Паскевичъ сдѣланъ

княземъ свѣтлѣйшимъ“ — опущено: „Скржинецкій скрывается, Лелевель при Ромарино; Суворовъ видѣлъ въ Варшавѣ Montebello, Высоцкаго, начикшика революціи, гр. А. Потоцкаго и другихъ“. На той же страницѣ, вмѣсто: С—ій и С . . ., слѣдуетъ поставить: Скржинецкій, а вмѣсто С—го: Скржинецкаго.

Стр. 101. Между анекдотами, помѣщенными на этой страницѣ подъ No. 4 и 5, пропущены два слѣдующіе.

„5. Когда въ 1815 году дѣло шло о восстановленіи Польши, тогда графъ Поццо-ди-Борго прислалъ государю свое мнѣніе. (Графъ противился всѣми силами исполненію сей великой ошибки.) Государь, прочитавъ его, сказалъ князю Козловскому: „Le comte Pozzo a plus d'esprit que moi, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire“. Козловскій не преминулъ. Поццо отвѣчалъ: „Ce là peut-êtré, aussi dans cette occasion, n'ai je pas parlé comme confesseur“.

„6. Однажды маленькій арапъ (Ганнибалъ), сопровождавшій Петра I въ его прогулкѣ, остановился за нѣкоторой нуждой и вдругъ закричалъ въ испугъ: „Государь, государь! изъ меня кишка лезетъ“. Петръ подошелъ къ нему и увидя въ чемъ дѣло, сказалъ: „Врешь, это не кишка, а глиста“.

— и выдернулъ глисту своими пальцами. Анекдотъ довольно нечистъ, но рисуетъ обычай Петра“.

Стр. 103. Въ анекдотъ подъ No. 9 буква Б. — означаетъ Болдырева, а въ анекдотъ подъ No. 10, вмѣсто Д—гъ и Р—ва, слѣдуетъ поставить: Дельвигъ, Рыльева. Затѣмъ пропущено три анекдота:

„15. Когда Потемкинъ вошелъ въ силу, онъ вспомнилъ объ одномъ изъ своихъ деревенскихъ пріятелей — и написалъ ему слѣдующіе стихи:

Любезный другъ,
Коль тебѣ досугъ —
Пріѣзжай ко мнѣ.
Коли не такъ —
М . . . т . . . растакъ!
Лежи въ г

Любезный другъ поспѣшилъ пріѣхать на ласковое приглашеніе.

„16. Графъ К. Разумовскій былъ въ заговоръ 1762 г. Исполненіе было ускорено измѣною одного изъ сообщниковъ. Екатерина уже бѣжала изъ Петергофа, а Разумовскій еще ничего не зналъ. Онъ былъ дома. Вдругъ слышитъ — къ нему стучатся. „Кто тамъ?“ — Орловъ. Отоприте. — Алексѣй Орловъ, котораго до тѣхъ поръ гр. Разумовскій не видывалъ, вошелъ и объявилъ, что

Екатерина въ Измайловскомъ полку, но что полкъ, взволнованный двумя офицерами (дядомъ моимъ А. А. Пушкинымъ и не помню къмъ еще), не хочетъ ей присягать. Разумовскій взялъ пистолеты въ карманы, повхалъ въ фуръ, приготовленной для посуды, явился въ полкъ и увлекъ его. Дядь мой посаженъ былъ въ крѣпость, гдѣ и сидѣлъ два года.

„17. 6го октября 1834 г. Дм(итріевъ) предлагалъ императору А. Муравьева въ сенаторы. Царь отказался начисто и, помолчавъ, объяснилъ на то причину. Онъ былъ въ заговоръ Палена. Паленъ заставилъ Муравьева писать конституцію — и между тѣмъ произошло дѣло 11 марта. Муравьевъ хвастался въ послѣдствіи времени, какъ будто бы онъ не иначе соглашался на революцію, какъ съ тѣмъ, чтобы наследникъ подписалъ хартію. Вздоръ. Планъ былъ начертанъ Рибасомъ и Паленомъ. Первый отсталъ, раскаясь и будучи осыпанъ милостями Павла. Паденіе Палена произошло отъ того, что онъ сказалъ, что все произошло по его плану. Слова сіи были доведены до государыни Маріи Ѳедор(овны) и Паленъ былъ удаленъ.“

(Слышалъ отъ Д.)

Слѣдуютъ анекдоты 18 и 19, напечатанные въ „Приложеніяхъ“ (стр. 103) подъ NNо. 11 и 12. Затѣмъ пропущенъ анекдотъ:

„20. Барковъ заспорилъ однажды съ Сумароковымъ о томъ, кто изъ нихъ скорѣе напишетъ оду. Сумароковъ заперся въ своемъ кабинетъ, оставя Баркова въ гостиной. Черезъ четверть часа Сумароковъ входитъ съ готовой одой и не застаеть уже Баркова. Люди докладываютъ, что онъ ушелъ и приказалъ сказать Александру Петровичу, что де его дѣло въ шляпѣ. Сумароковъ догадывается, что тутъ какія нибудь проказы. Въ самомъ дѣлѣ, видитъ онъ на полу свою шляпу и . . .“

Кромъ „Четырехъ разказовъ Н. К. Загряжской о Потемкинѣ“, помѣщенныхъ въ IV томъ „Соч. Пушкина“ (стр. 104—107), и двухъ (про Орлова и Петра III), напечатанныхъ въ „Приложенияхъ“ (стр. 104 и 105), въ тетради Пушкина находится еще три слѣдующихъ разказа:

„1. Это было передъ самымъ Петровымъ днемъ. Мы вхали въ Знаменское; матушка, сестра Елизавета Кириловна и я въ одной каретѣ, батюшка съ Василій Ивановичемъ — въ другой. На дорогѣ останавливаетъ насъ курьеръ изъ кабинета, подходитъ къ каретамъ и объявляетъ, что государь приказалъ звать насъ въ Петергофъ. Батюшка велѣлъ было вхать, а Василій Иван. сказалъ ему: „Полно, не слушайся; знаю что такое. Государь сказалъ, что онъ когда нибудь пошлетъ

за дамами, чтобъ онъ явились во дворецъ, какъ ихъ застанутъ, хоть въ однѣхъ рубашкахъ. И охота ему проказить наканунѣ праздника“. Но курьеръ попросилъ батюшку выдти на минуту. Они поговорили — и батюшка велѣлъ тотчасъ ѣхать въ Петергофъ. Подъѣзжаемъ ко дворцу; насъ не пускаютъ; часовой сунулъ намъ въ окошко пистолеть или что то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отецъ мнѣ сказалъ: „Полно, перестань; что за глупость“, — и потомъ, обратясь къ часовому: „мы пріѣхали по приказанію государя“. — Извольте же идти въ караульню. — Батюшка пошелъ, а насъ отправили къ * * *, который жилъ въ домикахъ. Насъ приняли. Часа черезъ два приходятъ отъ батюшки просить насъ на Моп-plaisir; всѣ похваля; матушка въ спальномъ платьѣ, какъ была. Пріѣзжаемъ въ Моп-plaisir, видимъ множество дамъ, разряженныхъ en robe de cour. А государь съ шляпою на бекрень и ужасно сердитый. Увидя государя, я испугалась, съѣла на полъ и закричала: „ни за что не пойду на галеру“. Насилу меня уговорили. Минихъ былъ съ нами. Мы пріѣхали въ Кронштадтъ. Государь первый вышелъ на берегъ; всѣ дамы за нимъ. Матушка осталась съ нами на галерѣ (мы не принадлежали той партіи). Графиня * * * Карловна Воронцова общала прислать за нами шлюбку.

Вмѣсто шлюбки черезъ нѣсколько минутъ видимъ государя и всю его компанію: бѣгутъ назадъ всѣ опять на галеру; кричатъ, что сейчасъ стануть насъ бомбардировать. Государь ушелъ à fond de cale съ гр. Лизаветой Романовной; а Минихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разговариваетъ съ дамами, leur faisant la cour. Мы приѣхали въ 'Ораніенбаумъ. Государь пошелъ въ крѣпость (?), а мы во дворецъ. На другой день зовутъ насъ къ обѣдни. Мы знали уже все. Государь былъ очень жалокъ. На эктинъ его еще поминали. Мы съ нимъ простились. Онъ далъ матушкѣ траурную свою карету съ короною. Мы повъхали въ ней. Въ Петербургѣ народъ принялъ насъ за императрицу и кричалъ намъ: ура! На другой день государыня привезла матушкѣ ленту.

„2. Я была очень смѣшлива. Государь, который часто ѣзжалъ къ матушкѣ, бывало нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на государя.

„3. Orloff était regicide dans l'âme, c'était comme une mauvaise habitude. Я встрѣтилась съ нимъ въ Дрезденъ. Мы разговорились о Павлѣ I. „Что за уродъ! Какъ это его терпятъ?“ — Ахъ, батюшка, да что же ты прикажешь дѣлать? Въдь не задушить же его. . . . — „А почему же и это, матушка?“ — Какъ! и ты согласился бы,

чтобы дочь твоя Анна Алексеевна вмѣшалась въ это дѣло? — „Не только согласился бы, а былъ бы очень тому радъ“. Вотъ каковъ былъ человекъ!“

Всѣ девять рассказовъ Загряжской расположены въ тетради Пушкина въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Вы слышали про Ветопкина? . . .
2. Это было предъ самымъ . . .
3. Потемкинъ очень меня любилъ . . .
4. Orloff était mal élevé . . .
5. Потемкинъ, сидя у меня . . .
6. Я была очень смѣшлива . . .
7. Государь (Петръ III) однажды объявилъ . . .
8. Потемкинъ прѣхалъ со мною проститься . . .
9. Orloff était regicide dans l'âme . . .

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АРЗРУМЪ.

Къ двумъ отрывкамъ, помѣщеннымъ въ „Приложеніяхъ“ (стр. 105—107), прибавляемъ третій, взятый изъ бумагъ Пушкина. Предлагаемый отрывокъ предшествуетъ двумъ напечатаннымъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляетъ начало всего сочиненія:

„Изъ Москвы поѣхалъ я на Калугу, Бѣлевъ и Орелъ и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ, за то увидѣлъ Ермолова. Онъ живетъ

въ Орлѣ, близъ коего находится его деревня. Я прѣхалъ къ нему въ 8 часовъ утра и не засталъ его дома. Извозчикъ мой сказалъ мнѣ, что Ермоловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего — простаго, набожнаго старика, что онъ не принимаетъ однихъ только городскихъ чиновниковъ, а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часъ я снова къ нему прѣхалъ. Ермоловъ принялъ меня съ обыкновенною своею любезностью. Съ перваго взгляда я не нашель въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно профилемъ. Лицо круглое, огненные, сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ. Голова тигра на геркулесовомъ торсѣ. Улыбка неприятная, потому что не естественна. Когда же онъ задумывается и хмурится, то онъ становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкескомъ чекменѣ. На стѣнахъ его кабинета висѣли шашки и кинжалы — памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ повидимому нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе. Нѣсколько разъ принимался онъ говорить о Паскевичѣ и всегда язвительно: говоря о легкости его побѣдъ, онъ сравнивалъ его съ Навиномъ, предъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука, и называлъ графа Эриванскаго — графомъ Ерихонскимъ. „Пускай

нападетъ онъ“, говорилъ Ермоловъ, „на пашу не умнаго, не искуснаго, но только упрямаго, напримеръ на пашу, начальствовавшего въ Шумль — и Паскевичъ пропалъ“. Я передалъ Ермолову слова гр. Толстого, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ персидскую компанію, что умному человеку осталось бы только дѣйствовать похуже, чтобы отличиться отъ него. „Можно бы было сберечь людей и издержки“, сказалъ онъ. Думаю, что онъ пишетъ или хочетъ писать свои записки. Онъ недоволенъ исторіей Карамзина: онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества къ славы и могуществу. О запискахъ кн. Курбскаго говоритъ онъ *con amore*. Нѣмцамъ досталось. „Льтъ черезъ 50“, сказалъ онъ, „подумають, что въ нынѣшнемъ походѣ была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводительствуемая такими то нѣмецкими генералами“. Я пробылъ у него часа два; ему было досадно, что не помнилъ моего полного имени. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоедова говоритъ онъ, что отъ ихъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ небыло ни слова“.

Этотъ отрывокъ былъ напечатанъ въ VI кн. „Полярной Звѣзды“ на 1861 годъ (стр. 121—123).

ДУБРОВСКИЙ.

Въ примѣчаніяхъ къ этой повѣсти, помѣщенныхъ въ „Приложеніяхъ“ (стр. 111 и 112), есть недомолвки, которыя мы возстановляемъ. Дѣло, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, производилось въ Козловскомъ уѣздномъ судѣ (Тамбовской губ.) между полковникомъ Семеномъ Петровичемъ Крюковымъ и поручикомъ Иваномъ Яковлевичемъ Муратовымъ, изъ которыхъ первый добивался отнять у послѣдняго имѣніе, состоящее въ селѣ Новопанскомъ, съ 186 душами. Это вопіющее дѣло окончилось въ 1832 году въ пользу Крюкова и подало Пушкину мысль написать повѣсть „Дубровский“.

Журнальныя статьи.

МЫСЛИ ВЪ ДОРОГѢ.

Стр. 134. Послѣ словъ: „... нежели съ“ — пропущено: „верховой властью“.

Стр. 135. Въ самомъ началѣ статьи „Черная Грязь“ пропущено: „Здѣсь я видѣлъ также изрядный опытъ самовластия дворянскаго надъ крестьянами“. Далѣе, послѣ словъ: „... Творца

вселенныя“ — новый пропускъ: „И служитель его приметъ исторгнутую властію клятву и утвердить бракъ!“ Черезъ три строки, послѣ словъ: „... останется ненаказаннымъ“ — еще пропускъ: „Почто удивляться сему? Благословляетъ бракъ наемникъ; градодержатель для охраненія закона определенный — дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семь дѣлъ свою пользу. Первый ради полученія мзды, другой, дабы истребляя поносительное челоуѣчеству насиліе не лишиться самому лестнаго преимущества — управлять себѣ подобными самовластно. О, горестная участь многихъ миліоновъ! конецъ твой сокрытъ еще и отъ взора внучать моихъ“.

Стр. 138. Послѣ словъ: „... досель зависѣлъ онъ отъ своенравія женскаго“, пропущено: „Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожьемъ наказанъ не буду.“

„Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господскій былъ челоуѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семь онъ отвѣтствовалъ: „Если бы, государь мой, съ одной стороны поставлена была висѣлица, а съ другой глубокая рѣка, и стоя между двухъ гибелей, неминуемо бы должно было идти направо или на лѣво, въ петлю или въ воду, что избрали бы вы, чтобы заставило желать разсудокъ

и чувствительность? Я думаю, да и всякій другой избралъ бы броситься въ рвку, въ надеждѣ, что преплывъ на другой берегъ опасность уже минется. Ни кто не согласился бы испытать — тверда ли петля — своей шеєю. Таковъ былъ мой случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы твмъ и конецъ былъ, но умирать тошною смертью подъ батошьемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребъ, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнемъ поруганіи... Государь мой, хотя холопей вы считаете своимъ имъніемъ, нерѣдко хуже скотовъ, но къ несчастію ихъ горчайшему они чувствительности не лишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ устахъ крестьянина; но слыша ихъ для чего не удивляетесь жестокосердію своей собратіи дворянъ.“

Стр. 141. Въ самомъ началъ статьи: „Тверь“ пропущены слѣдующія строки: „Стихотворство у насъ, говорилъ товарищъ мой трактирнаго объѣда, въ разныхъ смыслахъ, какъ оно пріемлется, далеко еще отстоитъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ, а стихосложеніе шагнуло одинъ разъ и стало въ пень“.

Стр. 146. Послѣ словъ: „... прилагая оныя къ обработыванію земли“, пропускъ: „Способомъ къ сему надежнѣйшимъ почелъ онъ уподобить кре-

стьянъ своихъ орудіямъ, ни воли, ни побужденій неимвующимъ; и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудю, устремляющимся на бой грудю, а въ единственности ничего не значущимъ. Для достиженія своей цѣли онъ отнялъ у нихъ малый удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ, на необходимое пропитаніе, даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, сей дворянинъ нѣкто — всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ определенное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины известное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а по обыкновенію Лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя для соблюденія желудка въ мясовѣдъ пустые шти, а въ посты и постные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинныя разговенья бывали развѣ на святой недѣли.

„Таковымъ урядникамъ производилась также приличная и соразмѣрная одежда. Обувь для зимы, т. е. лапти, дѣлали они сами; онучи получали отъ господина своего, а лѣтомъ ходили босы. Слѣд-

ственно у таковыхъ узниковъ небыло ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ не отымалъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умвреннѣе въ пищу, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда биралъ къ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей воли.“

На той же страницѣ, послѣ словъ: „... котораго онъ не думалъ скрывать“ — пропущено слѣдующее мѣсто: „Сдѣлавшись помѣщикомъ 2000 душъ, онъ нашелъ своихъ крестьянъ, какъ говорится, избалованными слабымъ и безпечнымъ своимъ предшественникомъ. Первымъ стараніемъ его было общее и совершенное разореніе. Онъ немедленно приступилъ къ совершенію своего предположенія и въ три года привелъ крестьянъ въ жестокое положеніе. Крестьянинъ не имѣлъ ни какой собственности: онъ пахалъ барскою сохою, запряженной барскою клячею; скотъ его былъ весь проданъ; онъ садился за спартанскую трапезу на барскомъ дворѣ; дома не имѣлъ онъ ни штей, ни хлѣба. Одежда, обувь выдавались ему отъ господина, — словомъ“ и проч., какъ въ печатномъ.

Стр. 147. Окончаніе второй строки: „Онъ былъ убитъ своими крестьянами во время пожара.“

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

Стр. 153. Послѣ словъ: „... онъ былъ убитъ“ — пропущено: „своими крестьянами, выведенными изъ терпѣнія его жестокостью“.

Стр. 156. Въмѣсто встрѣчающихся на этой страницѣ: *О—вы*, *О—вѣ* и т. д., слѣдуетъ *вездѣ* поставить: *Орловы*, *Орловѣ* и т. д.

II.

СТИХОТВОРЕНІЯ, НАПЕЧАТАННЫЯ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ, НО НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАНІЕ „СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА“.

НЕ ТО БѢДА, ЧТО ТЫ ПОЛЯКЪ . . .

Эта эпиграмма не вошла въ послѣднее изданіе, не смотря на то, что была дважды напечатана въ русскихъ журналахъ еще при жизни Булгарина, на котораго написана. Именно, въ первый разъ она появилась въ „Сынъ Отечества“, журналъ, изд. Н. Гречемъ и Ѳ. Булгаринымъ (1830, т. XI, No. 17, стр. 303), съ такимъ объясненіемъ: „Въ Москвѣ ходитъ по рукамъ и пришла сюда, для раздачи любопытствующимъ, эпиграмма одного известнаго поэта. Желая угодить нашимъ противникамъ и читателямъ, и сберечь сіе драгоцѣнное произведеніе отъ искаженія при перепискѣ, печатаемъ оное“. Затѣмъ слѣдуетъ самое стихотвореніе, съ примѣ-

чаніемъ: „Правда, бѣда — но кому? Не литературнымъ ли трутнямъ, Цапхалкинымъ, Задушатынымъ и т. п.“ Въ 1858 году эпиграмма была напечатана снова въ I томъ „Библиогр. Зап.“ (№. 12, столб. 368) — и все-таки не попала въ собраніе „Соч. Пушкина.“

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ЛУКУЛЛА.

Напечатано въ первый разъ, еще при жизни Пушкина, въ „Московскомъ Наблюдатель“ (1835, сентябрь, кн. II, стр. 191—193); перепечатано въ „Библиогр. Зап.“ (1858, №. 12, столб. 367 и 368), и въ заграничныхъ изданіяхъ: „Полярной Звездъ“ (1856, кн. II, стр. 22 и 23) и „Русской Библиотекъ“ (1858, т. I, стр. 22—24). Подъ титломъ стихотворенія означено: „Подражаніе латинскому“; но это несправедливо. Подобно знаменитому посланію Рыльева: „Къ Временщику“, выданному имъ за подражаніе Персію, оно только прикрыто этою надписью отъ подозрительности ценсуры. Стихи написаны на выздоровленіе графа Шереметева послѣ тяжелой и опасной болѣзни. Онъ былъ тогда бездѣтенъ, — и все его состояніе должно было перейти къ С. С. Уварову (еще не графу и не богачу), какъ ближайшему родственнику. Увѣренный въ близкой кончинѣ Шереметева,

Уваровъ опечаталъ было имущества графа, но тотъ выздоровѣлъ и, конечно, остался недоволенъ поспѣшностью своего наследника. Эта стихотворная шутка, глубоко оскорбившая Уварова, была, какъ говорить, источникомъ всѣхъ огорченій Пушкина, омрачившихъ послѣдніе мѣсяцы его жизни и, наконецъ, причиной его смерти.

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ ТЕТУШКИ.

Первоначально напечатана въ „Современникъ“ (1854, т. 47, No. 9, отд. III, стр. 18), откуда перешла въ „Библиогр. Зап.“ (1858, No. 12, столб. 366) и „Полярную Звѣзду“ (1858, кн. IV, стр. 273). Этотъ шуточный панигирикъ, написанный Пушкинымъ въ веселую минуту, весьма не понравился дядѣ поэта, Василю Львовичу. Дельвигъ, по просьбѣ Александра Сергѣевича, написалъ Василю Львовичу объяснительное письмо и такимъ образомъ возстановилъ миръ между дядею и племянникомъ. Не знаемъ, повѣрилъ ли вполне этому объясненію Василій Львовичъ, но во всякомъ случаѣ Дельвигъ прослылъ авторомъ элегии, и только въ послѣдніе годы былъ обнаруженъ настоящій сочинитель.

Ст. 13: *Но вотъ уже Василій Львовичъ...*

Вариантъ: *Самъ дядюшка Василій Львовичъ...*

ПОСЛУШАЙ, ДѢДУШКА . . .

„Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина“.
(„Сочиненія Пушкина“, изд. г. Анненкова, т. I,
стр. 46). Это — пародія на стихотвореніе Жу-
ковскаго „Тлѣнность“, написанное бѣлыми стихами,
которыхъ Пушкинъ не жаловалъ въ молодости,
хотя и написалъ ими еще въ лицезъ двѣ пьесы:
„Бова“ и „Фіалъ Анакреона“. Жуковскій отъ
души смѣялся надъ пародіей молодого поэта, но
предрекалъ ему время, когда онъ перемѣнитъ мнѣ-
ніе свое о бѣломъ стихѣ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Н. С. АЛЕКСѢВУ.

„Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина“.
(„Сочиненія Пушкина“, изд. г. Анненкова, т. I,
стр. 173). Писано къ тому же лицу, къ которо-
му обращено посланіе, напечатанное на 232 стр.
I тома послѣдняго изданія „Соч. Пушкина“.

ИНОЙ ИМѢЛЪ МОЮ АГЛАЮ . . .

„Библиографическія Записки“, 1858, т. I, No. 1,
столб. 6.

ПОСЛАНИЕ КЪ ОЛЕНИНОЙ.

Стихотвореніе это не вошло въ последнее изданіе даже и въ томъ искаженномъ видѣ, въ какомъ оно напечатано въ „Библиогр. Зап.“ (1858, No. 11, столб. 337). Напечатано вполнѣ въ V кн, „Полярной Звѣзды“ на 1859 годъ (стр. 24).

Ст. 8: Желанья *плоти* въ немъ родить...

Вариантъ: *И пылъ* желанья въ немъ родить...

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВѢДЬ.

Напечатана въ „Библиографическихъ Запискахъ“ (1858, No. 11, столб. 342) и въ „Атенеѣ“ (1858, No. 25, стр. 596 и 597); въ последнемъ съ прибавкою восьми заключительныхъ стиховъ. Не смотря на то, стихи все-таки не вошли въ последнее изданіе.

Стихи 6 и 7:

Я не хочу его *села*,
Не нужно мнѣ его *вола*...

Вариантъ:

Я не хочу его *вола*,
Не *надо* мнѣ его *осла*...

Последніе восемь стиховъ (начиная со словъ: „Кто сердцемъ“), по мнѣнію нѣкоторыхъ, не принадлежатъ Пушкину.

ТЫ И Я.

Начало стихотворенія (кончая стихомъ: „И тебѣ нерѣдко лънь“) напечатано въ „Библиогр. Зап.“ (1858, No. 12, столб. 369), но и оно не попало въ последнее изданіе. Остальная часть стихотворенія является здѣсь въ первый разъ.

ПРО СЕБЯ.

ЛВУ СЕРГѢВИЧУ ПУШКИНУ.

КЪ СМИРДИНУ КАКЪ НИ ЗАЙДЕШЬ . . .

Всѣ три стихотворенія напечатаны въ „Библиогр. Зап.“ (1858, No. 12, столб. 370). Кромѣ того вторая эпиграмма была напечатана во IV кв. „Полярной Звѣзды“ на 1858 годъ (стр. 272), а послѣдняя — въ статьѣ И. И. Панаева: „Литературныя Воспоминанія“ („Современникъ“, 1861, т. 85, No. I, отд. I, стр. 156).

ОТЪ ВСЕНОЩНОЙ, ВЕЧОРЪ, ИДЯ ДОМОЙ...

Первые шесть стиховъ напечатаны въ „Запискахъ И. И. Пущина о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ“ („Атеней“, 1859, т. II, стр. 500—537); остальные являются здѣсь въ первый разъ.

Я ЖИЗНЬ ЛЮБИЛЪ, КОГДА ПОЛНА...

„Наше Время“, 1860, No. 3, стр. 41.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

А. С. ПУШКИНА.

Подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ 26 No. „Развлеченія“ на 1860 годъ піеса Пушкина, начинающаяся стихомъ: „Тебѣ въ прощальныя минуты“, сообщенное въ редакцію журнала г. Грековымъ, снабдившимъ его слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Это стихотвореніе получено мною отъ нашего извѣстнаго поэта Е. А. Баратынскаго“.

КЪ * * *.

„Русское Слово“, 1861, No. 2, отд. I, стр. 1.

ВОСПИТАННИЦА МУЗЪ, ПРЕЛЕСТНА КАТЕРИНА . . .

Мы сильно сомнѣвается въ томъ, чтобы стихотвореніе, начинающееся вышеприведеннымъ стихомъ и напечатанное въ III кн. „Свѣточа“ на 1861 г. (отд. I, стр. 2), дѣйствительно принадлежало *Александрѣ* Пушкину. Вотъ на чемъ основываются наши сомнѣнія: во первыхъ — 10 марта 1813 года (помѣтка подъ стихотвореніемъ) А. С. Пушкину было всего 14 лѣтъ съ нѣсколькими днями, и слѣдовательно онъ былъ слишкомъ молодъ для подобнаго рода изліяній; во вторыхъ — въ 1813 же году было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ стихотвореніе: „На смерть Кутузова“, съ подписью: *А. Пушкинъ*, принятое Бѣлинскимъ за первый печатный опытъ Александра Сергѣича (см. „Отечественныя Записки“, 1843, т. 31, отд. V, стр. 30), тогда-какъ въ послѣдствіи оказалось, что оно было написано какимъ то *Александромъ Пушкинымъ*. Къ тому же въ манеръ и слогъ помянутыхъ стихотвореній есть нѣчто родственное, въ доказательство чего печатаемъ ихъ рядомъ:

Воспитанница музъ, прелестна Катерина!
Соединяя всѣ таланты съ красотой,

Доказываешь ты, что славная Корина
Средь насъ живетъ, не бывъ единою мечтой.
Тебѣ принадлежать ея вѣнки лавровы,
Тобой красуется блаженный здѣшній край,
И хлады съвера сколь ни были бѣ суровы —
Твой гласъ, твой вѣжнѣйшій гласъ ихъ превращаетъ
въ рай.

НА СМЕРТЬ КУТУЗОВА.

Отечество въ слезахъ — познало вѣсть ужасну:
Кутузовъ кончилъ вѣкъъ средь славы и побѣдъ.
Надежду нашъ злодѣй питаетъ пусть напрасну,
Что будто бы ему преграды болѣе вѣтъ;
Кутузова парить духъ будетъ надъ рядами!
Народъ, средь коего сей мужъ родиться могъ,
Не преклонитъ главы предъ хищными врагами,
Возникнетъ новый вожь, и будетъ съ нами Богъ!

III

СТИХОТВОРЕНІЯ, НАПЕЧАТАННЫЯ ВЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЗДАВІЯХЪ.

ВОЛЬНОСТЬ.

Стихотвореніе это въ публикѣ известно болѣе
подъ заглавіемъ: „Ода на свободу“. Напечата-
но въ первый разъ во II кн. „Полярной Звѣзды“
на 1856 годъ (стр. 3—5); перепечатано въ „Рус-
ской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 1—5).

Строфа I, стихи 5 и 7:

*Приди, сорви съ меня вѣнецъ...
Хочу воспѣть я вольность міру...*

Варианты:

*Сорви съ главы моей вѣнецъ...
Хочу я вольность грянуть міру...*

Строфа V, стихъ 8:

Но *вѣзныи* выше васъ законъ...

Вариантъ:

Но выше васъ *стоитъ* законъ...

Строфа VI, ст. 2: Гдѣ *дремлетъ онъ*...

Вариантъ: Гдѣ *онъ блюдетъ*...

Строфа VII, стихъ 6:

Падетъ преступная секира...

Вариантъ:

Едва главу снесла секира...

Строфа XI, ст. 7: *безславные*.

Вариантъ: *преступные*.

КИНЖАЛЪ.

„Полярная Звѣзда“, 1856, кн. II, стр. 8 и 9; перепечатано въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 11 и 12). Стихотвореніе это, какъ разсказываютъ, написано ровно черезъ годъ по высылкѣ Пушкина изъ Петербурга (въ 1820 году), гдѣ онъ далъ слово Карамзину не писать возмутительныхъ стиховъ покрайней мѣрѣ годъ. По просьбѣ С. Полтарацкаго, Пушкинъ внесъ назван-

ное стихотвореніе въ его альбомъ и подписалъ подъ нимъ: *Par Pouschkin.*

ВЪ СИБИРЬ.

„Полярная Звѣзда“, 1856, кн. II, стр. 13; перепечатано въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 10). Стихи написаны Пушкинымъ въ 1827 году и переданы имъ А. Г. Муравьевой (супругъ Никиты Муравьева), ѣхавшей тогда въ Сибирь къ мужу, для доставленія въ Петровскій заводъ (что возлѣ Читы, Иркутской губ. Верхнеудинскаго уѣзда) сосланнымъ на каторгу послѣ 14 декабря.

Кстати помѣщаемъ здѣсь превосходный отвѣтъ на это стихотвореніе, написанный декабристомъ, княземъ Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, человекомъ съ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ, дальнѣйшему развитію котораго помѣшала ссылка.

Струнъ въщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишъ оковы обрѣли.

Но будь спокоенъ, бардъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,

И за затворами тюрьмы
Въ душъ смѣемся надъ царями.

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ:
Изъ искры возгорится пламя —
И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

Мечи скуемъ мы изъ цѣпей
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И съ нею грянемъ на царей —
И радостно вздохнуть народы.

СЪЯТЕЛЬ.

„Полярная Звѣзда“, 1856, кн. II. стр. 16;
перепечатано въ „Русской Библиотекѣ“ (1858, т. I,
стр. 33).

Ст. 10: „На что стадамъ дары свободы?“

Вариантъ: „Стадамъ не нуженъ даръ свободы.“

НАСИЛЬНО ЗУБОВУ МИЛА...

„Колоколь“, 1858, №. 23 и 24, стр. 200.

СКАЗКИ.

Стихотвореніе это, известное также подъ названіемъ „Noël“, напечатано въ первый разъ въ „Русской Библіотекѣ“ (1858, т. I, стр. 27 и 28), но съ ошибками. Затѣмъ оно появилось въ V кн. „Полярной Звѣзды“ на 1859 годъ (стр. 20), также съ ошибкой въ 5-мъ стихъ, изъ котораго сдѣлано два.

Строфа II, стихъ 7:

Я ѣлѣ, и пилѣ, и обѣщалѣ . . .

Вариантъ:

Я много спалѣ и обѣщалѣ . . .

Строфа III, стихи 3 и 4:

*Лаврову дамѣ отставку,
А Соца въ жолтый домѣ . . .*

Вариантъ:

*Лавровѣ поидетѣ въ отставку,
Гинковскій въ жолтый домѣ . . .*

КЪ Х.....
НАПРАСНО АХНУЛА ЕВРОПА...
ПЕСТЕЛЮ.

Павелъ Ивановичъ Пестель, глава Южнаго Общества, казненный 13-го іюля 1826 года, пользовался глубокимъ уваженіемъ Пушкина, какъ это даже видно изъ его записокъ. (См. „Приложенія къ соч. А. С. Пушкина“, отд. II, стр. 90.)

НАДПИСЬ КЪ КАРТИНКЪ ИЗЪ „ОНЪГИНА“
ВЪ „НЕВСКОМЪ АЛЬМАНАХЪ“.
ВСТАРЬ ГОЛИЦЫНЪ МУДРОСТЬ
ВЪСИЛЬ...

ЭПИГРАММА (Булгаринъ вотъ Полякъ...)

Всѣ эти шесть стихотвореній напечатаны въ первый разъ въ „Полярной Звездѣ“ на 1859 (кн. V, стр. 23, 26, 27, 28, 29 и 30).

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ, НАПЕЧАТАННЫЯ ЗДѢСЬ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ.

МОЛИТВА ЛЕЙБЪ - ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Пушкинъ и его товарищи, въ послѣдніе два года своего пребыванія въ Лицеѣ, сошлись весьма близко съ обществомъ офицеровъ лейбъ-гусарскаго полка, квартировавшаго, какъ и нынѣ, въ Царскомъ Сель, и посѣщали многихъ изъ нихъ весьма часто. Помянутая молитва, написанная на дежурствѣ Завадовскаго, была поднята Пашковымъ. Оскорбленный въ лицѣ своего *носа*, Пашковъ вскипѣлъ благороднымъ негодованіемъ и грозилъ побить Пушкина. Завадовскій, чтобы избавить Пушкина отъ непріятности, принялъ эти стихи на себя — и дѣло грозило окончиться дуэлью. Это дошло до свѣ-

дѣнія командира гвардейскаго корпуса князя Васильчикова, который созвалъ офицеровъ для объясненія, съ цѣлью — помирить ихъ. Все дѣло кончилось тѣмъ, что на сходкѣ благоразумная партія объявила это дѣломъ дружескимъ, *пустяшныиъ*, а противная, боясь высказаться, промолчала и тѣмъ согласилась съ первой. (Сообщено Сабуровымъ.)

СКАЗАЛИ РАЗЪ ЦАРЮ . . .

Написано по слѣдующему случаю: Однажды за обѣдомъ во дворцѣ, когда зашла рѣчь о смерти Ріэго, графъ М. С. Воронцовъ (впослѣдствіи князь и намѣстникъ кавказскій) сказалъ: „Тѣмъ лучше: однимъ мерзавцемъ меньше!“

ЕВРЕЙКЪ.

Написано къ одной кшненевской Еврейкѣ, бывшей въ 1821 году предметомъ нѣжной привязанности нашего поэта. Къ ней же обращены нѣкоторые стихи въ „Гавриладѣ“. Въ иныхъ спискахъ стихи 5 и 6 читаются такъ:

*За поцалуи твой, не робѣя,
Готовъ, Еврейка, приступить
И вмѣстѣ тѣ тебѣ вручить . . .*

ИЗЪ „ГАВРИЛАДЫ“.

Читавшіе эту поэму въ рукописи, поймутъ, отчего мы напечатали изъ нея только нѣсколько отрывковъ.

СМОТРУ ПЕЧАЛЬНО, МОЛЧАЛИВО . . . ВЕСЬ ДЕНЬ, ОТЪЯВЛЕННЫЙ ЛѢНИВЦЪ... ВТОРАЯ НАДПИСЬ КЪ КАРТИНКѢ ИЗЪ „ОНЪГИНА“ ВЪ „НЕВСКОМЪ АЛЬМАНАХѢ“.

Первая изъ этихъ надписей была помѣщена въ V кн. „Полярной Звезды“, о чемъ сказано въ своемъ мѣствѣ; вторая же является здѣсь въ первый разъ. Оба стихотворенія написаны Пушкинымъ тотчасъ по полученіи имъ экземпляра „Невскаго Альманаха“ на 1829 годъ, издаваемаго Е. Аладьинымъ, къ которому, между прочимъ, было приложено шесть весьма плохихъ гравюръ къ напечатаннымъ тамъ же шести отрывкамъ изъ „Евгенія Онѣгина“. Первый и третій рисунки (авторъ „Евгенія Онѣгина“ бесѣдующій съ Онѣгинымъ на набережной Невы и Татьяна, запечатывающая письмо къ Онѣгину) особенно поразили поэта — и онъ

тотчасъ написалъ къ нимъ помянутыя надписи и отослалъ ихъ къ Алабѣну.

КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.
НА ВОЦАРЕНІЕ АЛЕКСАНДРА 1-го.
КЪ ПАМЯТНИКУ АЛЕКСАНДРА 1-го.
НИКОЛАЮ 1-му.
ЕМУ ЖЕ.

Печатаемъ здѣсь и вариантъ этого стихотворенія:

Не много царствовалъ, но много начудесилъ:
Сто двадцать пять сослалъ, да пятерыхъ повѣсилъ.

ЖЕЛАЛИ ПРАВЪ ОНИ ...
ВЪ РОССІИ НѢТЪ ЗАКОНА ...

Въ нѣкоторыхъ рукописныхъ сборникахъ „Стихотвореній Пушкина“ мы встрѣчали слѣдующій вариантъ этой надписи:

Въ Россіи нѣтъ закона:
Въ Россіи столбъ стоитъ,
Къ столбу законъ прибитъ,
А на столбъ корона.

Намекъ на девизъ Сената: столбъ съ надписью: „законъ“, увѣнчанный императорской короной.

НАДПИСЬ КЪ ИСАКІЕВСКОЙ ЦЕРКВИ.

Старая Исакиевская церковь, какъ известно, была начата Екатериною II изъ мрамора и окончена Павломъ I изъ кирпича. Нынѣшняя же — выстроена Николаемъ. Предлагаемая надпись относится къ послѣдней перестройкѣ церкви, когда она, по повелѣнію Николая I., была разрушена до основанія и заложена снова.

КЪ ПОРТРЕТУ АРАКЧЕЕВА.

КНЯЗЮ А. Н. ГОЛИЦЫНУ.

ЕМУ ЖЕ.

ЕМУ ЖЕ.

Этотъ Голицынъ (Александръ Николаевичъ) былъ при Александрѣ I. министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

ГРАФУ В — ВУ.
КНЯЗЮ ДУНДУКОВУ.

Князь М. А. Дундуковъ — Корсаковъ былъ въ тридцатыхъ годахъ попечителемъ санктпетербургскаго учебнаго округа, а потомъ — вице-президентомъ Академіи Наукъ.

АВТОРУ „ИСТ. ГОС. РОССИЙСКАГО“.
СОШЛИСЯ ШКОЛЬНИКИ...
ЖУКОВСКОМУ.

Стихотвореніе это по формѣ — есть подражаніе извѣстному стихотворенію Жуковскаго: „Бѣдный пѣвецъ“, а по содержанію — злая эпиграмма на назначеніе его, бѣднаго пѣвца, наставникомъ наслѣдника престола.

„СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА“...
ЗА УЖИНОМЪ ОБЪѢЛСЯ Я...

Написана на В. К. Кюхельбекера, съ которымъ Пушкинъ воспитывался вмѣстѣ въ царско-сельскомъ лицее и былъ очень друженъ. Не смо-

тря, однако, на свои дружескія отношенія къ старому товарищу, Пушкинъ любилъ подшучивать надъ нимъ, иногда очень ѣдко. Однажды Жуковскій былъ званъ куда-то на вечеръ и не явился. Когда его спросили на другой день, отчего онъ небылъ, тотъ отвѣчалъ: „Мнѣ что-то не здоровилось уже накануне; къ тому же пришелъ Кюхельбекеръ — и я остался дома“. Услыхавъ это, Пушкинъ написалъ свою эпиграмму. Кюхельбекеръ взбѣсился — и шутка чуть не кончилась дуэлью.

КНЯЗЬ ШАЛКОВЪ . . .

Кн. Петръ Ивановичъ Шалковъ,
„Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой“,
какъ назвалъ его Пушкинъ въ своемъ посланіи къ поэту (см. „Соч. Пушкина“, изд. 1859, т. I, стр. 143), былъ самымъ сантиментальнымъ пѣвцомъ любви и женскихъ прелестей и даже издавалъ: „Дамскій журналъ“, посвященный исключительно прославленію прекраснаго пола.

ХОТЬ УЧАСТЬЕ НЕ ПОМОЖЕТЪ . . .

Кто не слыхалъ о графѣ Димитріѣ Ивановичѣ Хвостовѣ, этомъ второмъ Тредьяковскомъ, о его

страсти къ стихотворству и жажда известности? Экспромптъ этотъ сказанъ Пушкинымъ на одномъ литературномъ вечерѣ, когда Хвостовъ, послѣ чтенія своихъ стиховъ, вышелъ помочиться.

А. Н. МУРАВЬЕВУ.

П — МУ.

НѢТЬ ПОДЛѢ ДО АЛТАЯ...

ЭПИГРАММЫ НА БУЛГАРИНА.

„Лелъешь ты свои красы...“, „Все говорятъ: онъ Вальтеръ Скотъ...“ и „Фаддей родн „Ивана“ ...

ТИМКОВСКІЙ ЦАРСТВОВАЛЪ ...

СМИРДИНЪ МЕНЯ ВЪ БѢДУ ПОВЕРГЪ ...

Л. С. ПУШКИНУ (Все измѣнилось...).

НАКА ЖИ СВЯТОЙ УГОДНИКЪ ...

Помянутая эпиграмма написана Пушкинымъ на официальной бумагѣ, заключавшей въ себя мнѣніе санктпетербургскаго митрополита по дѣлу капитана Борозды, судимаго за мужеложство.

НЕ ВѢРЮ ЧЕСТИ ИГРОКА...

ГРАФИНЪ А. А. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ.

РАЗГОВОРЪ ФОТЯ СЪ ГР. ОРЛОВОЙ.

КНЯЖНЪ С. А. УРУСОВОЙ.

НИМФОДОРЪ СЕМЕНОВОЙ.

КЪ ***.

ТЫ ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ...

Буало былъ кастратъ.

ЧЕРНА, КАКЪ ГАЛКА...

ОНА ТОГДА КО МНѢ ПРИДЕТЪ...

ОГЛАВЛЕНИЕ*).

Отдѣлъ первый.

ПЪЛНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ, НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ПОСЛѢД- НЕЕ СОБРАНІЕ „СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА.“	стр.
* Друзьямъ	3
Къ Олениной	5
<i>Отъ всенощной, везоръ, идя домой</i>	6
* Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ	7
Къ П. Я. Чаадаеву	9
Сказки	11
Вольность	13
Кинжалъ	18
* <i>Сказали разъ царю, что наконецъ</i>	21
Отрывокъ	22
* Еврейкъ	26
Десятая заповѣдь	27
<i>Иной имѣлъ мою Аглаю</i>	29
Царь Никита	30
* Изъ „Гаврилады“	34
<i>Напрасно ахнула Европа</i>	43
Элегія на кончину тетушки	44
<i>Встарь Голицынъ мудрость въсилъ</i>	45
* Къ Северину	46
Изъ письма къ Алексѣеву	47
Въ Сибирь	48
* Двѣ надписи къ картинкамъ изъ „Онѣгина“, приложеннымъ къ „Невскому Альманаху“	49

*) Стихотворенія, при которыхъ стоитъ звездочка — по-
являются здѣсь въ первый разъ.

	стр.
Святель	51
<i>Насильно Зубову мила</i>	52
На выздоровленіе Лукулма	53
Къ Х	56
<i>Я жизнь любилъ, когда полна</i>	57
Къ * * *	59
<i>Тебѣ въ прощальныя мгновенья</i>	60
* <i>Смотрю незалюбо, молчаливо</i>	62
* <i>Весь день, отъявленный лѣнницею</i>	63
Ты и я	64

Отдѣлъ второй.

НЕНАПЕЧАТАННЫЕ ОТРЫВКИ ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ,
ВОШЕДШИХЪ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАНИЕ „СОЧИНЕНІЙ
ПУШКИНА“.

* Городокъ	69
* Вишня	71
Къ М. Ѳ. Орлову	74
Уединеніе	76
Наполеонъ	78
* Второе посланіе къ Аристарху	79
* Андрей Шенье	81
Моя родословная	83

Отдѣлъ третій.

НАДПИСИ И ЭПИГРАММЫ, НЕ ВОШЕДШИЯ ВЪ ПОСЛѢД-
НЕЕ ИЗДАНИЕ „СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА“.

Пестелю	89
* Къ портрету П. Я. Чаадаева	90

	стр.
* На воцареніе Александра I ^{го}	91
* Къ памятнику Александра I ^{го}	92
* Николаю I ^{му}	93
* <i>Желали правѣ они — права или́ и даны</i>	94
* <i>Вѣ Россіи нѣтъ закона</i>	95
* Надпись къ Исакиевской церкви	96
* Къ портрету Аракчеева	97
* Князю А. П. Голицыну	98
* Графу В — ву	100
* Князю Дундукову	101
Про себя	102
* Автору „Исторіи Государства Россійскаго“	103
* <i>Сошлись школьники и вскорѣ</i>	104
* Жуковскому	105
Пародія на стихотвореніе Жуковского : „Глѣн- ность“	106
* „Сыны Отечества“ и „Вѣстники Евро- пы“	107
* <i>За ужиномъ обѣлся я</i>	108
* <i>Князь Шаликовѣ, газетчикѣ наи́в пегаль- ный</i>	109
* <i>Хоть угастье не положетѣ</i>	110
* А. Н. Муравьеву	111
* По — му	112
* <i>Нѣтъ подлѣе до Алтая</i>	113
Эпиграммы на Булгарина	
I. <i>Не то бѣда, что ты Полякѣ</i>	} 114
II. <i>Булгаринѣ, вотѣ Полякѣ прилѣвр- ный</i>	
* III. <i>Лелѣишь ты свои красы</i>	} 115
* IV. <i>Всѣ говорятѣ: онѣ Вальтерѣ- Скоттѣ</i>	

	стр.
* <i>У. Фаддей роди „Ивана“</i>	116
* <i>Тилковский царствовалъ — и всѣ твер-</i> <i>дили въ слухъ</i>	117
<i>Къ Смирдину какъ ни зайдешь</i>	118
* <i>Смирдинъ меня въ бѣду поверебъ</i>	119
* <i>Льву Сергѣевичу Пушкину</i>	120
* <i>Накажи святой угодникъ</i>	121
* <i>Не вбрю гести игрока</i>	122
* <i>Графиня А. А. Орловой-Чесменской</i>	123
* <i>Разговоръ Фотія съ гр. Орловой</i>	124
* <i>Княжнѣ С. А. Урусовой</i>	125
* <i>Нимфодоръ Семеновой</i>	126
* <i>Къ * * *</i>	127
* <i>Ты хочешь знать, о двѣа молодая</i>	128
* <i>Черна, какъ галка</i>	129
* <i>Она тогда ко мнѣ придетъ</i>	130

. **Отдѣлъ четвертый.**

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ О СОЧИНЕНІЯХЪ
ПУШКИНА.**

I. Дополненія, варианты и примѣчанія къ по- слѣднему изданію „Сочиненій Пушкина“	133
II. Стихотворенія, напечатанныя въ журна- лахъ, но не вошедшія въ послѣднее изда- ніе „Сочиненій Пушкина“	213
III. Стихотворенія, напечатанныя въ загра- ничныхъ изданіяхъ	223
IV. Стихотворенія, напечатанныя здѣсь въ первый разъ	228